

LITERARY HERITAGE OF PANTELEYMON ROMANOV

1883 - 1938

by

ANNA GATTINGER

B.A., UNIVERSITY OF BRITISH COLUMBIA

A THESIS SUBMITTED IN PARTIAL FULFILMENT OF
THE REQUIREMENTS FOR THE DEGREE OF
MASTER OF ARTS

IN THE DEPARTMENT

OF

SLAVONIC STUDIES

We accept this thesis as conforming to the required
standard

THE UNIVERSITY OF BRITISH COLUMBIA

APRIL, 1966.

In presenting this thesis in partial fulfilment of the requirements for an advanced degree at the University of British Columbia, I agree that the Library shall make it freely available for reference and study. I further agree that permission for extensive copying of this thesis for scholarly purposes may be granted by the Head of my Department or by his representatives. It is understood that copying or publication of this thesis for financial gain shall not be allowed without my written permission.

Department of Slavonic Studies

The University of British Columbia
Vancouver 8, Canada

Date April, 1966.

ABSTRACT

The purpose of this thesis is to establish the importance of Panteleymon Romanov in Soviet literature.

Even though Romanov began writing many years before the Revolution, he became known as an author only after the Revolution when he published "Childhood", his first work, in 1920. Little success attended this effort. However, like any true artist he was not interested in writing merely to gain fame, but more to express his philosophy of life.

He adopted the realistic style of the classical writers of the 19th Century and applied it to the conditions created by the Revolution and post-Revolutionary period. Thus he mirrored the life around him. At the time of War-Communism, 1917-1921, when most of the writers were engaged in political and internal struggle to define the path that the new literature was to take, Romanov wrote several volumes of humorous short stories on how the peasants greeted the political changes. By rewriting these humorous stories in a serious vein, he incorporated them into his greatest work under the title "Rus".

His stories about the younger members of society and their attitudes toward love, were also very popular. In these stories on love Romanov ^{described} ~~wrote~~ the new attitude towards sex relationships between young people, the position

of the unmarried mother, and the new family life without the sacrament of the church. His best stories on this theme are: "Without Cherry Blossom", "The Big Family", "The Right to Love" and the novel "The New Commandment". These were all widely read and discussed among the Komso-mols and npn-Komsomols alike.

Towards the end of the N.E.P. period, Romanov became more interested in the social conduct of the old intelligentsia as applied to its relationship with the new government. One of his best known stories of this period is "The Right to Live" which deals with a non-Party writer who tried unsuccessfully to conform to the demands of the Party. Romanov has developed this theme further in his novel "Comrade Kislyakov". In these two novels, Romanov expressed his regret that intellectuals did not have heroic qualities, energy, and will power to fight for their political and human rights.

Romanov has often been regarded as a controversial writer both by the Soviet and the emigreé critics. The latter accused Romanov of slandering the morals of the old intelligentsia, while most of the former accused him of being blind to the growth of the Soviet masses because he had not accepted the Revolution.

In studying literary life in the first decade of the Soviet government, one can say that Romanov and his works

occupied a singular position of importance in Soviet literature. Romanov's style being easy and old-fashioned appealed to the masses. The humorous incidents in his stories, unlike those of Zoshchenko or O'Henry, follow one another continuously. Romanov also differs from Zoshchenko in the description of his heroes. Whereas Zoshchenko emphasises the individual characters, Romanov, on the contrary, develops the importance of the people, as a whole. He can truly be regarded as a popular sociological writer.

After the Revolution, Romanov took the position of an independent creative writer and he maintained it as such until 1936. He insisted on his freedom to write what his conscience dictated and he never changed his position. For this reason a conflict between himself and the Soviet government was inevitable. After the confiscation of his work, "Comrade Kislyakov" in 1930, the doors to the publishing houses were closed for Romanov. However, through the intervention of Bukharin, the ban was lifted in 1936 when some of his short sketches about his excursion to the Molotov automobile factory in Nizhni-Novgorod were published.

When Romanov died in 1938 of heart disease, there was no obituary notice from the Writers' Union. Thus a bright star faded from the galaxy of Soviet literature, without any literary astronomer noticing it. Even today none of

his works is published in the U.S.S.R. and he is not counted among those who have made a worthy contribution to Soviet letters.

ACKNOWLEDGEMENT

This thesis has been written under the highly inspiring supervision of professor V. Revutsky, whose assistance and criticism throughout the course of preparation of this work was invaluable. I sincerely thank Mr. Revutsky for his attention and cooperation.

I would also like to thank the librarian of ~~the~~ Interlibrary Loan Department for her assistance and co-operation in obtaining reading material.

СОДЕРЖАНИЕ

Абстракт	i
Акноледжемент	v
I Введение.....	1
II Биографическая справка	11
III Произведения Романова в хронологическом ... порядке	16
Детство	17
Русь	20
Рассказы	35
Вопросы пола	55
Новая Скрижаль	71
Человеческая Душа	82
Право на жизнь или проблема бес- партийности	88
Товарищ Кисляков или Три пары шелковых чулок	95
Русь и С.С.С.Р.....	117
IV Заключение	121
Библиография	126

I

ВВЕДЕНИЕ

Как ни трудной была дорога писателей старой России, она стала еще труднее при новом Советском режиме. Революция 1917 года была встречена с нетерпением, в ожидании той желанной свободы, которая задыхалась под давлением царской цензуры.

Многочисленные направления писателей встретили эту "свободу" по различному. Писатели радикальных направлений хотели сделать немедленное очищение и освобождение всего буржуазного, классического с такой силой, что новое правительство сочло нужным остановить этот радикальный размах и своей осторожной политикой сохранить лучшие примеры классического наследия, чтобы на их основе строить новую советскую литературу.

Либеральные же силы писателей желали, больше всего, быть свободными и быть в состоянии выражать свои мысли свободно, без всякой цензуры, контроля и преследования. В этом разногласии, первый Комиссар Народного Просвещения, Анатолий Луначарский, открыто поддерживал либеральные силы писателей заявляя, что революционный режим должен сохранить индивидуальное право на творчество. Но мастера политики советской литературы в лице Пролеткульта вскоре начали контролировать всех тех, кто поднимался на новом горизонте искусства избирая тех, кто с готовностью отзывался на их лозунг "долой старое искусство" и заставляли замолчать тех, кто хотел итти своим индиви-

дуальным путем и выражать свои мысли независимо и свободно. Многие из тех, кто дерзал отстаивать свои права свободного художника слова, преждевременно исчезали из советской литературы. К ним относятся такие замечательные писатели старшего и младшего поколений, как Владимир Маяковский, Евгений Замятин, Александр Грин, Сергей Есенин, Михаил Зощенко, Юрий Олеша, Борис Пильняк и многие другие. Произведения многих писателей, в том числе и нами разбираемого автора П. Романова, изъяты из всех читательских списков советской литературы. Но многие из них вышли вперед не потому, что они были талантливы, а только потому, что у них была правильная идеология выбора их героев. Среди них были Дм. Фурманов, Ал. Серафимович, Мих. Шолохов и другие.

Несмотря на то, что после революции главные типографии в России были национализированы советским правительством, печатание книг, все же, было разрешено некоторым частным типографиям с 1921 года и до конца НЭПА, подвергая печатаемый материал только номинальной цензуре вновь организованной государственной типографией в Москве под названием "Гослитиздат". Используя такую давно невиданную свободу печати, частные типографии начали развиваться с молниеносной быстрой.

" В 1922 году было уже 220 частных типографий только в Москве и к этому времени они опубликовали уже 803 книги с количеством отказанного цензурой только 5, 3 процента. Конкуренция между частными и государственными предприятия-

ми была настолько велика, что партийная печать жаловалась на то, что книги, выходившие из частных типографий, критиковали коммунистическое учение."¹

В таких сложных общественно-экономических условиях, когда рядом друг с другом существовали два противоположных хозяйственных уклада, в обстановке жестокой классовой борьбы во всех областях общественной и экономической жизни с внутренним и внешним капитализмом, развивалась и борьба на идеологическом фронте. Вопрос культурной революции, воспитания масс в коммунистическом духе приобретал в это время особо важное значение. Все это не могло не отразиться и на литературном фронте.

В революционной атмосфере первого десятилетия Советской власти и сравнительной свободы печати и слова появились на свет многие литературные организации и группировки. Пролеткульт был в это время старейшей и могущественной организацией из них всех. Уже в августе, 1918 года, Пролеткульт созвал конференцию пролетарских писателей в Москве, на которую прибыли делегаты из Воронежа, Петрограда, Самары, Москвы, Перми, Тулы и других городов. Эта организация издавала важные постановления по отношению к литературе и писателям. Ее главной идеей было порвать с культурной традицией старой России и выдвигать перед писателей пролетарского происхождения и революционных взглядов. Все те, кто не соглашался с их взглядами были обвинены в антикоммунизме. Они так же утверждали, что

писатели пролетарского происхождения не могли иначе, как писать подлинно пролетарскую литературу в коммунистическом духе. Поэтому они не нуждались в партийном контроле, а скорее в защите и полной поддержке партии. Но уже в 1920 году Ленин, через Центральный Комитет партии, принудил Пролеткультовцев отказаться от своей установки о том, что пролетарская литература может и должна развиваться вне контроля партии.

Но так как Ленин заставил Пролеткультовцев принять такое решение от имени Коммунистической партии, то Центральный Комитет партии считал необходимым смягчить, до некоторой степени, это вмешательство в литературу, поместив статью в "Правде", в которой обещал рабочим искусства полную гарантию их свободы.²

Такое смягченное действие партии в это время объясняется тем, что в первое десятилетие коммунистическая партия не настаивала на контролировании всех областей общественной жизни страны. Она хорошо понимала то, что при таком обширном объеме задач, вставших перед ней после революции, она не в состоянии была контролировать все области народного хозяйства с успехом. Ее первостепенной задачей был политический и экономический контроль страны. После мировой и гражданской войны, восстановление хозяйства под абсолютным контролем партии также было невозможным. Результатом этого осознания, оказалась новая экономическая политика партии, объявленная Лениным в 1924 году, которая дала свободу для развития капитала и мелких частных предприятий. Коммунистическая партия, в это время, занялась вопросом укреп-

ления советского режима и своих собственных рядов, которые были еще очень неустойчивыми. Будучи в таком слабом положении, партия, во многих областях, (например экономическом, административном, культурном) вынуждена была доверять дело так называемым "буржуазным специалистам". Уделяя свое главное внимание экономическим и классовым проблемам страны, коммунистическая партия была очень осторожна по отношению к литературе. Ставясь быть нейтральной, она заняла позицию посредника между двумя главными литературными группировками - левыми и правыми. Кто же относился к этим группировкам? Во главе левых стояли Пролеткультовцы, к которым примыкали все пролетарские группы (кузница, напостовцы). Они требовали "благословения" партии и поддержку правительства, таким образом требуя привилегий для себя и борясь против правых. Наибольшей частью группы правых были писатели - "попутчики" и другие либеральные группировки, которые настаивали на неограниченной свободе художника писать так, как диктовали его сознание и совесть, без всякого контроля партии и правительства. Писатели - "попутчики" и были те "буржуазные специалисты" литературы, которым партия вынуждена была доверять развитие и продолжение культурной жизни страны. На требования Пролеткультовцев "покончить со всем старым, буржуазным", Ленин сам неоднократно указывал, что "строить новое труднее, чем разрушать старое".³ В своих бесчисленных выступлениях, Ленин указывал на то, что коммунисты должны подходить к старым интеллигентам умело и осторожно, не только помогая им "расширять свой кругозор", но и

учиться у них.

Кто же были писатели - попутчики, которых Пролеткуль-
товцы так ненавидели и которых они старались изгнать с литера-
турного поля деятельности?

Это были интеллектуалы, которые были уже профессиональ-
ными писателями в период революции. Все они имели различные
политические взгляды. В них они расходились от симпатий до от-
рицания новой советской власти. Такая политическая неустойчи-
вость и строгая индивидуальность делали их подозрительными
людьми согласно взглядам партии. Их терпели только потому, что
нуждались в их литературном опыте. По этому вопросу Ленин гово-
рил еще на XI съезде партии, что хотя "у побежденных" культура и
плохая, все же она "больше чем у ответственных работников комму-
нистов".⁴ Задача партии, таким образом, была привлечь их на
свою сторону и заставить их писать в пользу коммунизма.

" Оружием критики заставьте литераторов, вышедших и
выходящих из старых слоев, создать вам "коммуни-
стическую литературу чужими руками". Перерабо-
тайте всех этих Пильняковых, Ивановых, Романовых,
Никитиных в строителей коммунистического общества.
Безнадежных не перерабатывайте. Этим место уготов-
лено за границей...."⁵

Таково было указание редакции "Правды" в феврале, 1925 года.

Другая причина снисходительной политики партии к по-
путчикам в первое десятилетие советской власти была та, что мно-
гие большевики, бывшие тогда во власти (Бухарин, Троцкий, Луна-
чарский, Зиновьев, Каменев и др.) были сами действительно об-
разованные люди, которые хорошо понимали, что культурный процесс,

как ни какой другой, нельзя заставить двигаться вперед из-данием закона и вмешательством партии, как этого требовали пролетарские писатели. Такое насилие вмешательство, - говорили они, - может уничтожить всякое основание художественной литературы. Это

".... было бы грубейшей ошибкой, - говорит "Правда" - под 'идейным воздействием и политическим руководством над художественной литературой' понимать механическое перенесение на эту область всех тех организационных мер и методов, которые мы обычно применяем и проводим в области непосредственной политики. Такой организованный "коммунизм" был бы опаснейшим бюрократическим измышлением, способным загубить нашу литературу.... Надо всячески бороться с огульной, безпардонной травлей 'попутчиков'..."

А.В. Луначарский, как комиссар Народного Образования (Пропаганды) с 1917 до 1929 года, будучи сам писателем, хорошо понимал нужды писателей и знал, как нужно обходиться с такими и руководить интеллигенцией, которая осталась работать в Советском Союзе после революции.

Одним из непосредственных и активных "защитников", "попутчиков", был выдающийся литературный критик 20-х годов и редактор журнала "Красная новь", Александр Константинович Воронский. В январе, 1921 года, по приказу партии, Воронский был переведен в Москву и назначен редактором журнала "Красная новь". Он проработал на этом посту до середины 1927 года, когда был отстранен партией за его уход от марксистской линии. Используя свое положение редактора такого крупного литературного журнала, Воронский много помогал писателям - "попутчикам",

помещая и критикуя их работу в журнале, таким образом давая возможность познакомить писателя и его произведения с массовым читателем. В своих выступлениях, Воронский смело отстаивал индивидуальную независимость творчества писателей. В своей статье "А. Воронский - критик", А. Дементьев отмечает, что Воронский имел то особое чувство, которое давало ему возможность "... угадать художественное дарование в начинающем писателе, выдвинуть, поддержать, защитить талантливого советского писателя - "попутчика", - что Воронский - делал добрее дело, защищая их в своих статьях от клеветы врагов и от не в меру ретивых критиков - напостовцев, действовавших "локтями, ногами, обухом, оглоблей, чем попало", продолжает Дементьев.⁷

Как уже было указано выше, что развитие литературы в 20-е годы проходило в условиях жестокой классовой борьбы. Формы этой классовой борьбы в советской литературе усложнялись по мере развития советского общества и экономики. Введение НЭПа в 1923 году, помогло не только восстановлению разрушенного хозяйства страны, но вместе с тем и оживлению буржуазных и мелкобуржуазных тенденций в экономике и идеологии, которая начала так же проникать и в советскую литературу.

Но, в 1929 году осторожный подход к старой интеллигенции внезапно и грубо прекратился. С окончанием НЭПа, объявлением первого пятилетнего плана и решением Сталина, взять судьбу Советского Союза в свои руки, сделать партию орудием воплощения его решений, т.е. в немедленное революционное преобразование

Советского общества в коммунистическое. Крестьяне стали жертвой коллективизации, а интеллигенция жертвой "большевизации". Первым кто пал жертвой этой "большевизации" и были писатели - "попутчики". Пролетарским писателям была дана безграничнаа свобода травли всех тех, кто отказывался идти по их пути. Они затравили Есенина, Маяковского, Пильняка, Замятину, только назвать нескольких, которые или покончили жизнь самоубийством, или покинули Советский Союз, или навсегда замолчали в Советском Союзе. К последней категории относится и разбираемый нами писатель Пантелеймон Сергеевич Романов.

FOOTNOTES

¹ Ernest J. Simmons, Through the glass of Soviet Literature, Columbia University Press, New York, 1956, p. 6.

² Pravda, March 25, 1920, p. 2.

³ Pravda, June 17, 1921, p. 7.

⁴ Po voprosu o "Literaturnoy politike Partii", Pravda, February 11, 1925, p. 2.

⁵ Ibid., p. 2.

⁶ Vareykus, I., "O nashey linii v khudozhestvennoy literature i o proletarskih pisateliakh", Pravda, February 18, 1925, p. 5.

⁷ G.A. Voronskaja i A.G. Dementijev, "A. Voronskiy, Literaturno-criticheskie statji", Sovietskiy Pisatel, Moskva, 1963, p. 25.

II

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Пантелеймон Сергеевич Романов родился в 1884 году в семье мелкого мещанина, в селе Петровском, Тульской губернии. Свое детство он провел на маленьком хуторке недалеко от деревни Карманье. Отец его был бедный мещанин, поэтому автор наш часто помогал отцу во время полевых работ. "У отца был один работник при 50 десятинах земли, - вспоминает Романов в своей автобиографии, - так что мне часто приходилось пахать, и скородить, и стеречь скотину." ¹

Свое начальное образование получил Романов в сельском училище, потом поступил в Тульскую гимназию. Он был плохим учеником, как в училище, так и в гимназии, так как все его внимание сосредотачивалось на том, как научиться писать книги.

По окончании гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета. Но и здесь он меньше слушал лекции и больше мечтал, как стать писателем. "... Бывало, сидишь (на уроках) и вызываешь в воображении все картины домашней жизни, рыбной ловли, охоты, природы." ² - вспоминает Романов в своей автобиографии.

Писать начал Романов еще в детстве, "на хуторе, в амбаре, на чердаке." ³ Но из этого ничего не вышло. В гимназии он принимал участие в гимназических журналах, но его статьи всегда терпели "фиаско в следствие полной бездар-

ности." 4 Но это его не разочаровывало. Он продолжал искать пути выражения своих чувств. Его интересовала не тема, как таковая, не фабула, а действительный, живой материал жизни, который умели находить и выбирать "великие, русские писатели с такой простотой и ясностью из хаоса жизни.... Я стал изучать по книгам и в жизни русского человека, т.е. те его прочные, живущие веками черты, которые отличают его, как особую индивидуальность, среди других народов." 5

Он проходит психологическую школу тщательного изучения лиц, типажа и характеров людей. Поэтому Пантелеимон Романов является писателем психологом в популярном смысле слова. В частности в своих произведениях он большое место уделяет психологии женщины.

Он так же пытается проникнуть в тайны творчества великих русских писателей и найти в них те общие черты, которые делают их произведения простыми, ясными и "вечно живущими". Он много читает русских классиков и даже выписывает с их произведений, чтобы научиться выражаться так же ярко, четко, кратко и понятно.

" ... читая великих мыслителей и художников слова, я скоро увидел, что моя жизнь состоит не из одной дороги, а из многих и многих дорог, которые связаны одна с другой единством общего источника.... Я в дело пустил то, что я переживал, что проходило через меня, как через одну из частиц огромного целого - народа." 6

Об этом русском народе, который "отличается от других народов" 7 и пишет в своих больших и малых произведениях Пант. Романов. Он хорошо знал Россию и ее народ, он хорошо знал

типы русских мужчин и женщин, крестьян и интеллигенцию.

Стиль Романова реалистический, язык простой, народный, иногда даже грубый, как бывает грубый русский мужик. За стиль и простонародный язык Романов был жестоко критикован со стороны старой интеллигенции, которая приняла это, как личное оскорбление. В своей статье "Упрямая Кобыла" помещенной в журнале "Звезда", в 1926 году, Илья Груздев пишет, что страницы Романова "подобны примитивным 'загадочным картинкам', в мнимо - причудливых очертаниях которых легко находим нужное." ⁸

Но тот самый факт, что в произведениях Романова можно найти нужное и сделало их, в свое время, очень популярными. Этот факт подтверждает и сам Груздев, который в той же статье пишет, что

" Пантелеимон Романов в настоящее время один из самых читаемых авторов, если ни самый читаемый. ... от любителей Романова нет отбоя. На Романова очередь. Как на Шаляпина. "Русь" и "Вопросы пола". "Вопросы пола" и "Русь". " ⁹

Первый рассказ Романова, "Отец Федор", появился в 1911 году в "Русской мысли". С 1907 года, он упорно и последовательно работает над своим романом "Русь", который вырос в эпопею состоящую из трех частей. После окончания юридического факультета, он работает адвокатом и поэтому имеет мало времени заниматься литературой. В 1917 году он оставляет эту свою профессию и начинает заниматься постоянной литературной деятельностью. В 1920 году вышла из печати его первая книга "Детство", которая имела большой успех. В следующие годы появляются его многочисленные рассказы, изображающие быт первых лет советской

власти, в частности, поведение интеллигенции по отношению к власти. Ряд рассказов посвящены проблемам морали и быта новой советской молодежи. В 1928 году вышел из печати его роман "Новая скрижаль" или "Первый завет", как он называется в переводе на английский язык, а в 1930 году вышел его последний роман "Товарищ Кисляков" или "Три пары шелковых чулок" тоже в переводе. Эта его последняя книга была конфискована и ее автор был занесен в списки мелко-буржуазных писателей, нуждающихся в реабилитации. Двери редакций были надолго закрыты для Романова.

В мае 1930 года, газеты "Правда" и "Известия" организовали экскурсии в индустриальные районы страны для тех писателей, которые были на списке для реабилитации. Романов так же был включен в эту экспедицию. Он посетил автомобильный завод имени Молотова в Нижнем Новгороде. Результатом этой поездки, в 1936 году, появился его рассказ в трех частях под названием

- 1) Место рождения советского типа Форда завода.
- 2) Индустриальный город.
- 3) Советский Форд.

В 1938 году Романов умер от болезни сердца.

Произведения Романова насчитывают 12 томов, в которые входят так же и три пьесы, три романа, одна повесть и множество коротких рассказов.

FOOTNOTES

¹Panteleymon Romanov, Ogonjki, Basskasy, Isdatestvo "Gramatu Draugs", Riga, 1929, p. 5.

²Ibid., p. 7.

³Ibid., p. 9.

⁴Ibid., p. 10.

⁵Ibid., p. 9.

⁶Ibid., p. 8.

⁷Ibid., p. 8.

⁸Ilia Grushev, "Upriamaja Kobyla", Zvesda, Moskva, 1926, p. 14.

⁹Ibid., p. 15.

III.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РОМАНОВА В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ

"Детство"	1920 г.
"Русь"	1924 г.
"Рассказы"	1917-1927 гг.
"Вопросы пола"	1925-1926 гг.
"Новая Скрижаль"	1927 г.
"Человеческая душа"	1928 г.
"Право на жизнь" или "Проблема беспартийности"	1928 г.
"Товарищ Кисляков" или "Три пары шелковых чулок"	1930 г.
"Русь" и СССР.	1936 г.

"ДЕТСТВО"

Первым большим произведением Романова была повесть "Детство", вышедшая из печати в 1920 году. Это произведение является, как бы преддверием его главного произведения "Русь". В ней Романов развертывает картину уходящего быта, который был не только центром общественной жизни России, но и опорой власти в течении трех столетий. Перед читателем проходят смены времен года с обилием лирических картин природы любовно-идиллическая зарисовка праздной жизни старого барского быта, в жизни которого чувствуется оттенок грусти об уходящей эпохе.

Это произведение читается, как сказка о прошлой, тихой жизни. Прочитав его, читатель "найдет в ней ключ к пониманию характеров многих из его героев "Руси", - говорит В. Гадалин в своем предисловии к сборнику рассказов "Голубое платье".¹ Но читатель также найдет в ней большое сходство с произведениями Л. Толстого ("Детство и отрочество") и Т. Аксакова ("Детство и отрочество Багрового Внука"), что указывает на то, что это произведение было написано Романовым под непосредственным влиянием работ этих великих художников слова. Таким образом, можно сказать, что это была не самостоятельная работа Романова, как писателя, а как бы переделка произведений Толстого и Аксакова, приспособливая их к условиям романовского времени. Тогда, как у Толстого и Аксакова ясно показаны сильные связи помещичьей усадьбы с крепостным бытом, то усадьба Романова уже переживает кризис умирающего помещичьего быта, отходящего класса, как такового. Помещичьи усадьбы стали,

как бы осколками городской жизни уже потому, что помещик не сидел дома, а занимался какой-либо службой в городе.

В "Детстве" Романов еще не выработал своего собственного стиля, поэтому это произведение носит компилиативный характер. Но, преследуя лирическую сторону своего произведения, Романов строит его на женских характерах. И даже некоторые мужские характеры (дядюшка) изображены с чрезмерным добродушием, что еще больше увеличивает лирический характер этого произведения. Таким образом, главным достижением "Детства", как только-что упоминалось, являются чары лирических описаний.

FOOTNOTES

V.Gadalin, Panteleymon Romanov Rasskasy, Isdatel'-
stvo Knizhnaja lavka pisateley, Riga, 1930, p. 6.

"РУСЬ"

Наибольшим произведением Романова является его роман "Русь", над которым он работал больше пятнадцати лет и которое так и осталось не законченным. Он начал писать его еще в 1907 году. Оно разрослось из романа в эпопею национального характера. Эта работа состоит из трех частей и охватывает передвоенную Россию, период Первой Мировой Войны, революцию и гражданскую войну. Первая часть романа была впервые напечатана в 1923 году. Автор описывает в ней положение крестьян, помещиков, купцов и интеллигенции перед Первой Мировой Войной. Как бы оправдывая свой замысел описать это положение в России, Романов говорит, что

"Писать картину Великой Революции, начиная с самой Революции, значит говорить о следствии, минуя причину."¹

Причиной же Революции, как это видно из первой части, явился тот раскол между крестьянством и помещиками, который с годами разросся в большую пропасть. Помещики и крестьяне потеряли всякое общение друг с другом и злоба накоплялась с обеих сторон. Крестьяне, по праву, злились на своих помещиков-господ, что те сидели на "тысяче десятин" земли, которую они не в состоянии были обрабатывать, а они, крестьяне, вынуждены были корчиться с одной десятины.

"Чорт их возьми, у них по тысяче десятин, - говорит возмущенный Захар, - да еще отхватили себе лучшие кусочки, а тут по одной не хватает, а чуть руку

" протянул - тебе к мировому,..."
 " Да когда это землю-то делили?... - спрашивал
 с недоумением Фома.... -
 " Какую землю? - спросил, сердито оглянувшись...
 Захар.
 " Да вот эту, что им по тысяче пришлось, а нам по
 десятине.
 " - Когда нашего брата на конюшне драли, вот когда!
 - отвечал злобно Захар. " 2

И как бы смягчая злобное недовольство Захара, Сенька ответил
 шутливо, что " - Мы, значит, другим делом были заняты! ... -
 вот нас и обделили. " 3

Безвыходное положение бедности заставляло их пере-
 ступать через порог закона и через границы помещичьей земли,
 видя, что земля пустовала, трава на лугах гнила, тогда, как
 их скотина голодала и погибала. Ввиду их безграмотности и не-
 образованности, крестьяне не знали законов и, поэтому, не могли
 действовать законоправно. Их лавочник, который пришел сюда
 из города и который имел хотя малое образование, все же мог
 разбираться в законах. На собраниях мужиков он учил и настав-
 лял их, что, для того, чтобы взять землю у их барина, нужно
 "найти линию закона" и опровергнуть "давность". Если ты не
 в состоянии этого сделать, то и не давай поводу "вести тебя к
 мировому.... Он тебя одной давностью убить может." 4 - говорит
 он Захару. Под давностью лавочник подразумевает закон унаслед-
 ования земли от отца к сыну в течении столетий. Во время рас-
 крещения крестьян в 1861 году, помещики дали им, так называе-
 мую, "Вольную", то есть клочок бумаги, в которой говорилось, что
 он отпущен на так называемую волю. Если они хотели оставаться
 в деревне, то им также дали каждому одну десятину земли, с

которой они должны существовать. Ни образования, ни денег, ни инвентаря они не получили. При таком положении дел, им тяжело было выйти из своего затруднительного положения. Мужики досадовали, говорили, угрожали, но дело их не подвигалось вперед. Они ходили в церкви, покупали за последние деньги свечки и ставили их перед святыми, молились, святили воду и брызгали ею свои развалившиеся дома и подыхающую скотину и ожидали помощи от Бога, которую им так усердно обещали в церкви. Но, в то же время, сами они ничего не делали, да и не знали, что и как нужно делать.

" ... встретив и проводив светлый день воскресения Христова, ... пишет автор, (они) выезжали в поле с сохой, ... и перекрестившись на восток, бросали в землю освященные семена весеннего посева.... " ⁵

Закончив же посев они опять собирались возле чьей-либо хаты, сидели на завалинках, рассуждали, курили грубый табак и сплевывали на землю. Автор пишет, что

" У мужиков наступил промежуток бездеятельности. Они кончили посев, посадили картошку и стали ждать сенокоса, хотя до него оставалось еще полтора месяца. " ⁶

Считая, что они исполнили свой долг, они дожидали другого праздника в то время, когда мост в деревне разваливался и при переходах на полевые работы они рисковали поломать ноги лошадям; единственный для всей деревни колодезь затянулся зеленою тиной и грозил эпидемией; после дождя, по средине улицы стояли лужи воды, в которой застревали лошади. А мужики то и дело жаловались на то, что им делать нечего.

" Хоть бы общественные дела что-ли делать - сказал кузнец, - а то к колодезю не подъедешь, мостик в лощине уж такой стал, что чертам в бирюльки только

на нем играть.

" - И лужа еще эта поперек всей деревни, нет на нее погибели, - прибавил кто-то другой. " ⁷

На эти предложения среди них нашелся оптимист, который ответил, что лужа-то к середине лета "сама высохнет" поэтому нет надобности за нее беспокоиться, да еще и время-то на нее тратить. Вслед за ним несколько голосов сказали, что жизнь то у них не как у других людей, что все идет не к лучшему, а к худшему. Кто же был этому виной они не знали, да и не старались узнать. "... сколько ни помнили мужики, деревня оставалась такою же, какою она была пятьдесят, сто лет назад." ⁸ и все эти годы они ждали божьей помощи, которая не приходила. Из года в год, они ходили в церковь, встречали и провожали праздники, а с ними и времена года и мечтали о тех краях, где люди жили хорошо и работали мало.

" Там, милый, все хорошо, - сказал кто-то в толпе, - земля свежая, сильная, работы не просит. А прямо рубят лес, поскребут еловыми сучьями, и вырастает рожь, что человека не видать.

" - И все там у них есть, готовенькое; в лесах орехи всякие, ягоды. У нас тут сады надо развивать, да смотреть за ними, да ухаживать....

" - ... там все готовое господь посыпает, исхитряется, и на всех хватает.... " ⁹

Но среди них были уже и те, которых интересовал вопрос, сколько же каждый получал и не получал ли один больше другого, так как никто не хотел работать на соседа. Из этого видно, что как бы беден человек небыл, все же, он предпочитал иметь свою собственность и работать на себя, как ему хочется. Таково историческое стремление человека к свободе и независимости личности.

Но в конце концов мужики договорились, такие места трудно найти, о которых "люди говорят". Но, кто-то из них так

же слышали, что и в тех местах не так уж хорошо, так как люди "вырубили леса", "звери ушли", "рыбу отравили" и там стало плохо и люди стали голодать. "- Больше, говорят, пяти лет не выдерживает." 10 Другие же хотели, хотя бы пять лет, попользоваться не работая и "не сгиная спину". Страшно хотелось разбогатеть, но не хотелось работать. Но в этом не их вина, это уж старая, русская лень. Так как передел земли происходил часто, то каждый боялся, чтобы так много не работать на других. А земля этим временем истощалась, урожаи были плохие и они жаловались на Бога и на судьбу.

" - Судьба, милый, судьба, - говорил один из них, - ежели тебе в чемнибудь не судьба, так хоть ты лбом разбейся, все равно ничего не будет.

" - Господь повелел от трудов своих и от земли кормиться, - подтверждал другой, - И где ты родился, там и умирай." 11

Но, несмотря на то, что крестьяне были такие невежественные, грубые, ленивые, суеверные, все же автор проявляет искреннее сочувствие и доброжелание к ним. Читая эту книгу чувствуется, что Романов думал о том, что помещики, вместо милостивой снисходительности, которая унижала их достоинство, должны были бы научить их лучшим методам земледелия.

Но что можно ожидать от людей, которые ничего не в состоянии были делать для самих себя, которые сотни лет жили от труда этих неграмотных, грубых, бесстолковых мужиков. Русские помещики конца 19-го^й начала 20-го веков, сами не в состоянии были вести свое хозяйство с успехом. Все больше и больше помещиков приходило к полному разорению и обнищанию. Ярким

примером такого распада, когда-то могущественного класса, можно взять героя романа Митеньку Воейкова. Отец его когда-то славился своим гостеприимством далеко за пределами своей волости. В доме когда-то справлялись праздники и

" ... Длинный ряд окон по фасаду ... светился всю ночь до рассвета....

" Бесчисленные гости пили, ели и веселились так, как нигде....

" Вспоминали и московскую масленицу, и блины, и тройки, и горячую, молодую хмельную любовь, от которой остались далекие, как легкий туман, нежные воспоминания. " 12

Но вот прошли годы и все изменилось. "Среди обитателей родовых усадеб стали появляться такие, которые, - вроде известного Митеньки Воейкова, - вели странную, обособленную жизнь". 13

Тогда, как крестьяне уже возвращались домой из церкви, Дмитрий Ильич Воейков

" ... еще спал в своем кабинете на широком диване.... Он лежал покрывшись с головой простыней от мух. А кругом него - на стульях, на полу, даже на письменном столе, - в каком-то вихревом состоянии валялись разбросанные части его туалета. " 14

Уже из этого видно, в каком состоянии морального распада находился этот молодой человек. Он много раз обещал сам себе вставать раньше и заниматься продуктивной работой. Он делал себе расписание, в котором намечал встать в четыре часа утра, переставливал на шесть часов утра. Потом опять решал, что это было слишком уж рано, что он успеет сделать все, если он встанет в 8 часов и так дальше. Лень всегда была сильнее его воли и он опять придавался тому блаженному сну, который освобождал его временно от дневных забот.

" Часы пробили половину десятого.

" И в тот же момент из-под простыни испуганно высунулась спутанная голова. Это и был сам владелец усадьбы с тысячей десятин земли, Дмитрий Ильич, или Митенька Воейков, как его звали в обществе.

" - Здравствуйте, - опять проспал! " - бормотал Митенька себе под нос, спуская свои ноги на пол.

" - Желал бы я все-таки послушать, чтобы кто-нибудь объяснил мне, - рассуждал он сам с собой, - в чем тут дело: с четырех часов начал, а теперь уже на половину десятого съехал. Ведь сколько раз твердил этой неуклюжей дуре, Настасье, чтобы она будила в положенный час. Ну, что же... теперь спеши-не спеши, все равно весь день испорчен. - И Митенька заложив руки за голову, с расстроенным видом лег на диван. " 15

Он, владелец тысячи десятин земли, хозяин дома, надеялся на безграмотную кухарку, чтобы она его будила в определенный час. И она с правом и насмешкой отвечала ему, что она не может угадать, когда барин соизволит вставать, так как он встает каждый день в разный час. Нешто мол угадаешь ... "То в восемь, то в девять, - нешто тут разберешь?" 16 Приведя своей нерешительностью и кухарку Настасью и дворового работника Митрофана в безлаберную путаницу и недоразумение, Митенька сердился и обвинял своих слуг за неуспех в своей жизни:

" - Вот тебе и расписание, - ..., - вот тебе и четыре часа. - возмущался он. Да ну, что там, разве с этим народом можно что-нибудь наладить. О, господи, ну и создания! - ... призывал он к Богу. " 17

Он уже в пятый или шестой раз хотел переменить свое расписание, придавая этому большое значение, как бы надеясь, что сделав новое расписание, жизнь наладится сама собой. Но не найдя на расписании места поставить новые цифры, он безнадежно махнул рукой и пошел завтракать. Его ежедневным занятием после зав-

трака было уходить "за канаву сада", где он находил уединение "от внешней жизни и действительности" 18 - и придавался своим бессмысленным, философским мечтаниям "о той совершенной жизни, к которой человечество придет лет через четыреста или пятьсот путем неизбежной эволюции." 19 Взяв нить такой философской мысли после завтрака, он проводил целый день в рассуждениях и негодовании "против бессмысленного устроения жизни," 20 которая требовала от него образования, распоряжения делами, руководства хозяйством, общения с людьми. А его дворовые, в это время, ждали от него распоряжений. Недождавшись своего хозяина, Митрофан обычно начинал работу по своей собственной инициативе. Но как этого нужно и ожидать, он никогда не мог угодить своему барину.

Пока он рассуждал и по философски решал мировые вопросы, в его личной жизни, в его делах царил хаос и запустение. Свое образование он не~~закончил~~, земля у него наполовину пустует, на дворе был беспорядок, изгороди ломались, дом распадался, после каждого дождя была непроходимая грязь на дворе. "... Хозяйство давало только убыток, а дом медленно, но постепенно разваливался.... Все было в таком состоянии потому, что при прошлом направлении жизни это считалось им самим чем то узко личным и поэтому незаслуживающим внимания." 21 Считая все излишним, он все же не~~отдал~~ своей земли на пользование "обездоленно-му большинству", как он называл крестьян, а возмущался тем, что они воровали яблоки у него, забирались за рыбой, посягались на его родовую недвижимую собственность: на месте проломанного

плетня со стороны деревни стоял на его земле деревенский амбарчик. Когда он тут успел вырасти, было неизвестно. " 23 В состоянии гнева Дмитрий Ильич решил немедленно ехать к предводителю дворянства и подать жалобу на своих крестьян. Но тот час же ему пришла мысль, что он хочет наказывать беззащитных людей.

" Кого он хочет казнить? Тех же угнетенных, которым он отдал всю мысль своей юности и весь жар ее, перед кем на нем самом лежит историческая вина. " 24

В этот момент он хорошо осознавал, что вина то была не крестьян, а их, помещиков.

Но Митенька Воейков был не один со своими мечтами и рассуждениями. Его соседи - помещики были не во многом лучше его. Может быть они содержали свои дворы в немного лучшем состоянии, но застой жизни и их распад, как социального класса, на основе которого Россия держалась сотни лет, чувствовался теперь со всей остротой. Все они сидели в своих домах, мечтали о той прекрасной, богатой, довольной жизни, которая ушла безвозвратно, сетовали на свою судьбу, но делать что-либо для улучшения жизни у них нехватало силы воли.

" Теперь все больше сидели по своим углам. - сетует Павел Иванович Тутольмин. - Все стало беднее и серее. Износилась ли земля или переменился народ, но не стало уж былой широты, хлебосольства и радущия. Дела не шли, имения разваливались, денег было мало, и уже нельзя стало радоваться каждому случайному заехавшему гостю и кормить его.... " 25

Все они с охотой участвовали в обсуждении отвлеченных вопросов, все были согласны в том, что нужно беречь отчество и правос-

лавную веру, нужно поддерживать национальную славу дедов, но у них самих ни на один момент не проявлялось желание делать что-либо положительное для общего улучшения страны. "В старину все было просто А теперь, говорит Павел Иванович, "... В жизни появились вопросы, а около вопросов - отдельные партии...." ²⁸ Больше было вопросов, больше было партий, которые спорили между собой с явной враждой и были готовы утопить в ложке воды один другого.

Но все эти партии разделялись на два главных течения. Одно из них было за сохранение старых, православных заветов, с подчинением всего "единой воле помазанника". ²⁷ К этому течению принадлежали члены старого поколения. " - Сохраните все, и настанет золотой век,..." ²⁸ - утверждали они. Другое же течение было против этих заветов, заискоренение всего старого и даже самого "православного помазанника", как наследие деспотизма и невежества. К этому течению принадлежали члены молодого поколения и разночинцы, как зарождающийся новый класс. "Разрушите все это, а самодержавного сковырните в первую очередь, - ... , - и тогда будет уравнение и братская любовь между всеми народами." ²⁹

С вышеуказанного видно, что политический вопрос и вопрос православной веры беспокоили автора. Как из истории известно, что православная церковь скомпроментировала себя тем, что была на стороне небольшой группы имущих, этим самым помогала им эксплоатировать массу неимущих, что она приняла сторону шовинизма, помогая преследовать другие религиозные убеждения и

другие национальности.

Рассматривая типы помещиков в этом романе можно сказать, что все они ленивые, слабовольные характеры, полные меланхолических сетований на жизнь и судьбу, пустые мечтатели. Изображая их, автор был убежден, что все они обречены на исчезновение, как национальный тип уходящей старой России.

Романов в этом произведении очень умело изображает русские национальные характеры. Они хотя и жалкие, но в них все же можно узнать наследников великих русских писателей Пушкина, Толстого, Гончарова, Гоголя.

Митенька Воейков Романова имеет очень большое сходство с Обломовым Гончарова; Валентин Елагин уж очень напоминает Николая Ростова из романа "Война и Мир" Толстого в сочетании с чертами Хлестакова из "Ревизора" Гоголя, Печорина из "Героя нашего времени" Лермонтова или даже Онегина из "Евгений Онегин" Пушкина. Это легкомысленный, беззаботный человек, любящий погулять, развлечься с женщиной и наговорить массу нелепостей.

" Я люблю Восток,... потому что нигде так не чувствуется старость и древность земли, как на Востоке. - говорит Елагин. - Лежать в степи под звездами, есть руками жирную баранину и не чувствовать движения времени...." 30

Вот все его желания будущего. Для такой жизни он покинул жену, дела, ту среду и культуру в которой он родился и вырос.

Другая тема затронутая в этом произведении - это тема конфликта между глубоким чувством любви и поверхностным. Молодая девушка, Ирина, вынужденная жить в деревне, где мало осталось развлечений для молодежи и еще меньше молодых помещиков, нашла

Митеньку Воейкова очень привлекательным с его застенчивостью и неуклюжестью человека, давно небывалого в обществе. Ее чувства к нему были самые искренние и доброжелательные невинного существа. Ольга Петровна же, жена дворянского предводителя Павла Петровича нашла его очень забавным и открыто кокетничала с ним, как бы желая его спровоцировать -

" - ..., да вы интересный мальчик... - сказала она, вдруг повернувшись к нему и близко взглянувшись в его глаза.... Потому что еще не знаете многое из того, что в вас есть....

" - Я хочу, чтобы вы ко мне приехали... - сказала Ольга Петровна...

" - Я вам скажу кое-что... женщина любит силу и новизну.... " 31

Митенька растерялся от такого вызова красивой женщины и не мог ничего сказать. Он совершенно потерял равновесие и все время беспокойно искал глазами Ольгу Петровну. Но вместо нее он как то неожиданно наткнулся на Ирину и был также очень смущен.

Митенька был одинаково сильно привлечен к обеим женщинам, но читатель чувствует, что он думает, что он совершенно недостоин ни одной ни другой. И чтобы отделаться от обеих женщин он решил, вместе с Валентином, уехать на Кавказ.

Необходимо также отметить лирическую сторону этого произведения. В "Руси", как ни в каком другом из его произведений, выразилась лирика Романова в описании им русской природы. Романов начинает свое произведение с описания наступающей весны

" - После суровой снежной зимы, с ее метелями, сугробами и заносами, пришла, наконец, весна. " 32

Блеск солнца, затопленные весенней водой поля, утренний туман над лугами, который съедает снег, сосновый бор над рекой, ветря-

ные мельницы, древний монастырь со старинными башнями и яркий блеск голубых весенних небес - все это описано так красочно, так последовательно, так ярко, что при малом напряжении воображения перед вами предстает действительно русская картина с раскошными лесами, плодородными полями и убогими деревнями.

За весной следует лето и осень со всеми их природными красочными оттенками и полевыми работами, которые только русский мужик, со всей его бедностью и культурной отсталостью, мог исполнить так медленно и так усердно. В этой лирике русской природы и русского народа выражается весь патриотизм Романова. Лирика эта увязана с действительно глубоко национальными чувствами автора. В своих чувствах, в своей привязанности к земле, в знании русских крестьянских обычаяев, в своей любви к природе Романов был тесно связан с деревенской жизнью. Вот, как сам Романов описывает свою любовь к деревенской жизни

- " - Люблю эти тихие сумерки затихающей мирной деревенской жизни, спокойную к вечеру гладь реки, и вечерние смягченные звуки и первые редкие звезды в весенних небесах.
- " - В годы юности, бывало, напряженно живешь этой сумеречной тишиной природы, вдыхаешь всей грудью аромат расцветшей сирени, свежесть политой земли в цветнике, и напряженно прислушиваешься ко всем затихающим звукам, как будто боясь пропустить не прочувствованной каждую минуту своей жизни.... " 33

В этом, конечно, чувствуются также большие симпатии и тоска о навсегда ушедшей молодости автора и стихии деревенской жизни.

FOOTNOTES

¹Panteleymon Romanov, Rus', part I, p. 0.

^{2&3}Ibid., p. 77.

⁴Op. cit., p. 77.

⁵Ibid., p. 79.

⁶Ibid., p. 172.

^{7&8}Ibid., p. 78.

⁹Ibid., p. 179.

¹⁰Ibid., p. 180.

¹¹Ibid., p. 180-181.

¹²Ibid., p. 19.

¹³Ibid., p. 24.

¹⁴Ibid., p. 25.

¹⁵Ibid., p. 25-26.

¹⁶Ibid., p. 27.

¹⁷Ibid., p. 29.

^{18&19}Ibid., p. 30.

²⁰ Ibid., p. 31.

²¹ Ibid., p. 32.

²² Ibid., p. 33.

²³ Ibid., p. 43.

²⁴ Ibid., p. 249.

²⁵ Ibid., p. 250.

²⁶ Op. cit., p. 250.

²⁷ Ibid., p. 251.

²⁸ Op. cit., p. 251.

²⁹ Ibid., p. 60.

³⁰ Ibid., p. 57.

" РАССКАЗЫ "

В своих коротких рассказах Пантелеймон Романов стоит одиноко среди юмористических писателей послереволюционного периода. В них собран материал из быта людей советской переходной эпохи. Темой этих рассказов является сочетание элементов традиционного уклада старой России с новым, еще неоформившимся бытом советского общества, столкновение этих элементов в быту, в психологии, в языке героев.

Острый юмор Романова освещает темные стороны советского правительства и необразованность и растерянность масс перед требованиями новой власти.

По вопросу отношения полов, который был, в это время, почти самым больным вопросом советского общества, Романов описывает людей живущих без любви, подменяющих прочную традиционную семейную жизнь грубыми физиологическими связями. В рассказах Романова, вместе с чеховским лиризмом, ярко видны грубые черты его натурализма. В своем предисловии к сборнику рассказов Романова, В. Гладков говорит, что

" Писатель видимо, задыхается в атмосфере чего-то грубого, животного, и, не давая прямых ответов, он остро ставит вопрос во всей их сложности и каждой своей строкой говорит, что здесь многое спутано, что предстоит большая и упорная работа над устроением подлинно красивой жизни, признанной поэзией и человечностью. " 1

Тема отношений полов волновала не только Романова, а и многих других великих и малых писателей России, начиная пушкинской Татьяной и до наших дней. Хотя Романов и писал рассказы о любви, все же их у него очень мало. Его лучшие рассказы связаны с массой

на улице, в очереди, на вокзале, в поезде, на рынке. Это были места, где собирались люди всех классов, где были интересы всех социальных слоев населения того времени.

Теперь обратимся к самим рассказам. Разбирать все рассказы Романова мы не в состоянии, так как их насчитывается семь томов. Но мы разберем достаточное количество, чтобы проиллюстрировать сферу романовского интереса. Часто Романова сравнивают с Зощенко по его юмористическим рассказам. Но Романов отличается от Зощенко тем, что подчеркивает народную массу, как общую единицу, тогда как Зощенко уделяет свое внимание отдельным лицам, которых он называет своими собственными именами.

В оглавлениях сборников Романова можно заметить, что многие из его рассказов носят такие заглавия, как "Дружный народ", "Мелкий народ", "Нераспорядительный народ", "Терпеливый народ", "Русская душа", "Бессознательное стадо", "Глас народа". Все они говорят о том, что романовскими героями является безымянная масса, повторяющаяся в ряде его рассказов.

Рассказ "Дружный народ" представляет собой классический образец романовского мотива. Действие происходит в деревне во время военного коммунизма. Романов сразу же начинает с факта, что

- " ... пришла бумага из волостного совета с приказом возить дрова на государственный завод.
- " - Каждый гражданин должен свезти по шести возов, - сказал председатель на собрании.
- " - А ежели не повезешь, что за это будет? - спросил кто-то из задних рядов.
- " - Отсидишь, а потом в двое свезешь.
- " - Так...
- " - Это значит на манер барщины выходит? - сказал еще один голос.
- " - Не на манер барщины, а на манер повинности." 2

Таким образом начинается горячее и шумное обсуждение этого вопроса на собрании. Все кричали, переговаривались и отказывались везти дрова и собрание заканчивается дружным протестом, что мол " - Не повезем. К дьяволу... баб своих запрягай." ³, - орали голоса со всех сторон. Председатель закрыл собрание с угрозой, что им придется возить вдвойне. Но люди, как бы не обращая внимания на угрозы председателя, стали расходиться по домам, довольные своей победой.

Проходящий в это время из соседнего хутора сапожник, услышав их единое решение не везти дрова на казенный завод, хвалит их, что мол они дескать "Дружный народ" и вместе могут отстаивать свои права.

Но на утро люди в деревне забеспокоились о штрафе за не выполнение наряда. Они стали осторожно выглядывать из своих сеней, подсматривать и подслушивать, что делали соседи. И каждый из них стал потихоньку запрягать свою лошадь "на всякий случай". Распречь-то всегда можно.

" Вдруг кто-то пробежал по улице и крикнул:- Ах, дьяволы, - с нижней слободы то поехали... - Кто? - Да все. Сначала Захарка-коммунист, а потом один по одному еще человек пять. А тут как уведели, что они уж к мостику подъезжают, у всех ворота растворились и прямо на запряженных лошадях все выкатили, словно лошади так в запряжке и родились..." ⁴

Но ведь это же были крестьяне нижней слободы. И казалось бы, что все это совсем не касается верхней слободы, так как они все решили вчера на собрании не везти дрова на казенный завод. Но, услышав, что нижняя слобода поехала выполнять свой наряд

" И в этот же самый момент ворота всех дворов на

верхней слободе, растворившись на обе половинки, хлопнули с размаха об стенки и, как на параде, голова в голову, и понеслись догонять нижнюю слободу."⁵

В этом эпизоде Романов показывает противоречия между общим намерением и тем, что они делали. Чем дружнее они решали на собрании не делать, тем дружнее они потом делали. В этом Романов показывает комизм как явление в коллективизме. На словах, все они были за то, чтобы не делать, а в действительности у каждого из них был страх за себя и недоверие соседу.

Таким образом, главной чертой этого рассказа, возбуждающего смех у читателя, является противоречие своим собственным решениям.

В рассказе "Кучка Разбойников", автор выводит ту же психологию массы крестьянства, которые делают всегда противоположное своим решениям. Действие происходит в деревне в послевоенное время, когда помещичьи усадьбы остались без надзора и когда люди тащили и грабили все, что попадалось под руку. Когда же все было разворовано, тогда крестьяне клали вину на местную власть, именуя их "кучкой разбойников".

Вот и в этот раз, сидели крестьяне кружком около хаты овчинника и вели разговор о том, "что весь народ против, только вот завелась кучка разбойников на деревне и безобразничают"⁶, но, рано или поздно, им придется отвечать за свои безобразия, так как народ еще помнит Бога. В это время проезжал кузнец из соседней деревни; он остановился, подсел к крестьянам и спросил о чем шла речь.

" Да вот об новом начальстве говорим, об этих разбойниках. " 7

Он удивился этому, похвалил честных людей этой деревни и стал рассказывать, что в его деревне люди стали "как злодей", забыли Бога и тащили все, что попадалось им под руку. Они без церемонии отбирали имущество у богачей, выселяли их из домов, делили землю. Все это они делали воедино, по малому намеку начальства и без всяких декретов. Крестьяне удивились такому наглому начальству людей соседней деревни и тоже называли их разбойниками.

"А у нас", - говорили они кузнецу, - "когда первый раз только заговорили, чтобы отбирать, так все такой шум подняли, что просто беда." 8

Но, когда кузнец спросил, кто же выгнал их арендатора, Андрея Степаныча, из его дома и разделил землю и растащил его имущество, то они все ответили, что дескать "пришлось выселять".

" - Что сделаешь-то... И не то, что выселили, а еще и растащили все до последней щепки. Все через них, через оклянных: берите, говорят, а то другим отдадим. Ну, известно, каждый думает, что раз все равно разберут, так уж лучше мы возьмем, чем другие пользуются.... Садик был у этого Андрея Степаныча, так весь его на глазах у него обтрясли, с ветками оборвали.

" - Кто ж это?

" - Кто... Трясли-то, конечно все... да ведь все из-за них, из-за разбойников: они слух пустили, что кто трясти не будет, тому из имущества арендаторского придележе ничего не достанется. Ну, тут, конечно дело, так все принялись бузовать, что только треск идет.

- Здорово, - сказал кузнец. - А у нас слух прошел, что вы будто сами пожелали и землю делить и все.

- Какое там - сами! Все против были! И мы так смотрим, что ни к черту их дело не пойдет, потому что раз весь народ - против, тут уж ничего не сделаешь..." 9

Рассказ этот кончается тем, что все бегут ломать сарай у Иванихи, который должен будет служить для постройки клуба. И когда ломали

этот сарай, то каждый старался утащить доску или бревно для себя.

" - Э, - куда бревно поволок!.... - кричал председатель стоявший на высоком пне, "Брось сейчас, сукин сын!.... Не отрывай петли! Вынимай сейчас все из кармана!.... Ломаем для общего пользования, а ты себе тащишь, бесовестный." 10

И в этом рассказе виден комизм противоречия между разговорами, шкурничеством собственных поступков, комизм тупости и расхлябанности ума и хитрости в трудное послевоенное время. Мотивом этого рассказа также является глубокий индивидуалистический эгоизм, тупость, которая не замечает собственных противоречий, это тот всемогущий инстинкт животного самосохранения, который легко находит выход в рамках морального закона.

В рассказе "Дом Но. За", Романов высмеивает тупость и безразличие рабочих к тому делу, которое им поручали делать и бюрократизм и нераспорядительность власти на местах. Романов описывает, как было дано распоряжение сломать дом Но.За, для топлива, который уже был на половину разрушен. Но рабочие не досмотрели буквы "а" после цифры "3" и стали ломать дом Но.З, в котором жили люди. Перепуганным и недоумевающим жильцам рабочие говорили, что

" - В общем порядке, ввиду топливного кризиса приказано разобрать на дрова." 11

И, когда проезжавший по улице извозчик остановился и спросил, что они делали, то один из рабочих ответил:

" - ... Из топливного кризиса выходим; умные головы, начальство наше; вот хороший дом и свежуем.
" - Ну давай бог." - ответил извозчик. - "Может потеплей сделаете. А то этакий холод, совсем

" ни к чему..."
 " - Построить трудно, а сжечь дело не хитрое. " 12

И вот, когда крыша уже была снята и рабочие удивлялись, что это был каменный дом, поэтому непригодный для топлива, то подъехал какой-то человек с техническим значком на фуражке, и тогда выяснилось, что было приказано ломать соседний, пустой дом.

" - Ах ты, мать честная!" - говорит один из рабочих,
 - А я было и глядел на нее, на букву то, думал -
 ничего, маленькая дюже показалась.
 Вот ведь вредная какая, - скажи пожалуйста. " 13

Кроме тупости, безразличия и безсознательного отношения рабочих в этом рассказе, Романов с сарказмом высмеивает низшие власти.

" - ... умные головы, начальство наше, вот хороший дом и свежуем." 14 В этом рассказе также чувствуется намек на условия времени, на общий беспорядок, который составляет сюжет этого рассказа.

Эти же мотивы тупости, противоречия дел словам, эгоизм, неорганизованность выведены в рассказах "Нераспределительный народ", "Достойный человек", "Безсознательное стадо", "Буква 'и'". В "Букве 'и'" Романов показывает, как целое учреждение не может расшифровать сокращенного названия, а курьер останавливается в полном недоумении перед надписью "Выход".

С социологической точки зрения интересны рассказы Романова "Три кита", "Рябая корова", "Святая женщина", "Восемь пудов" и "Глас народа". Эти рассказы следуют друг за другом во втором томе сочинений Романова издательства "Недра" 1929 года, и составляют продолжение один другого. Первый рассказ, "Три кита", рисует картину деревенского самоуправления в первое время после революции.

"Как только прошел слух, мужики сейчас же выбрали комитет." - так начинается этот рассказ.

- " А в комитет избрали трех человек: Николая - сапожника, Степана и лавочника.
- " Николая выбрали за то, что он очень долго говорить мог и выдумывать то, чего до него никто не выдумывал.
- " Степана выбрали за то, что у него душа была уж очень хорошая...
- " Лавочника выбрали просто от хороших чувств. От этих же чувств выбрали бы и помещика, чтобы показать, что они зла не помнят, но не решились... И потому остановились на лавочнике. " 15

В дальнейшем развертывается работа этого комитета.

Николай работал головой и языком, никогда не обсуждая свои планы ни с комитетом, ни с обществом. У него каждый день были новые идеи и он всегда забывал о тех, о которых говорил вчера. Когда ему говорили о том, что вчера он говорил совсем о другом, то он отвечал:

- " - Нешто все упомнишь, - ... хорошо у вас одно дело, а я обо всем думаю. " 16

Он хотел немедленно превратить деревню в столицу. Он наметил открыть "школу для взрослых, столярную мастерскую, агрономические курсы, народный дом, театр" и т.д. Но, когда его мужики спросили, где он возьмет деньги для всего этого, он ответил с уверенностью:

- " - Ерунда. По копейке со всех соберем, вот тебе и школа для взрослых. " 17

Благодаря своей хорошей душе, Степан всегда старался, чтобы было всем хорошо. Из-за этого все приходили к нему с просьбой насчет леску или насчет коровы. Давая записку на лес или корову одному, он не мог отказать другому, таким образом, он часто выдавал записки на ту же корову, скажем, двум или трем му-

жикам.

- " Когда разговор заходил о том, чтобы делить помещичью землю, Степан первый присоединялся к этому, говоря, что несправедливо одному владеть тысячей десятин, когда у мужика и пяти нет.
- " Но когда разговор заходил о том, чтобы в это воскресенье начать делить, Степану становилось жаль помещика - тоже человек, и он говорил, что лучше подождать. " 18

Своим добродушием Степан дошел до того, что все его стали ненавидеть.

Лавочник же занялся хозяйственной частью комитета и все больше наровил для себя, а не для других. Вот, кто-то потребовал контроля над лавочником.

- " Правильно. Веди в лавку. Зови дьячка для контроля.
- " Пришли в лавку, стали проверять. Оказалось, что в кассовой книге, в графе, где стоят рубли и копейки, записано 'поступило три свиньи'.
- " Ближние к дьячку нагнули головы к книге...
- " Правильно, что-ли? - спрашивали задние. " 19

В этом рассказе опять видны противоречия между хорошими планами и теми результатами, которые получаются. Крестьяне все больше разрушались, а кулаки наживались. У читателя получается впечатление, что Романов выводит катастрофическую несостоятельность, неумение крестьян перед задачей революционного самоуправления.

В других рассказах, автор выводит необразованность и запуганность крестьян, которые не могут и не в состоянии понять новые формы общественной жизни и государственных отношений. В своем рассказе "Рябая корова" Романов приводит пример голосования на сходе.

- " - Кто за то, чтобы беднейшим... не давать? -
крикнул лавочник.
Сразу вырос целый лес рук... - А вы то чего по-
дымаете? - спросили у беднейших, которые тоже
подняли руки. - Нам, стало быть, не надо. " 20

Разобрав вышеуказанные рассказы мы выяснили, что в изображении Романова крестьяне и обыватели неспособны к общественной самостоятельности. Они не в состоянии осмыслить окружающие события, не понимают новой власти и даже боятся ее. Во всех вопросах жизни они действуют по инстинкту, без всякой логики. Очень часто толчком к их действиям является мелочная жадность, личная корысть и индивидуализм.

Все эти факты выведены Романовым в его рассказах так, что у читателя невольно возникает мысль, что индивидуализм, эгоизм, жадность являются неотрывной частью живого человека стремящегося к индивидуальной независимости и экономическому улучшению жизни. Советское правительство хотело и хочет уничтожить эти природные человеческие качества посредством коллективизации, отбирая у крестьян все их частные индивидуальные средства для существования. Результатом этого явилось пассивное сопротивление в работе. Они готовы были умереть с голоду, чем работать для колхоза. В конце концов, выморив голодом много тысяч сопротивляющихся крестьян, правительство должно было уступить и дать крестьянам хотя немного частной собственности - огород, корову, кур и т.д. И опять таки, закоренелый мелкий индивидуалист не любит проявлять деловой активности, а всегда остается в стороне от действий. Но он всегда охотно говорит о том, что следовало бы сделать, таким образом подталкивая других на действие. Результатом этого является расхождение слов с действием.

Другим интересным мотивом в рассказах Романова является без смысленное доверие к слухам. Доверие к слухам увеличивается еще больше тогда, когда в стране чувствуются экономические не-

достатки. Пройдя через войну, революцию, и гражданскую войну, когда в России ничего не производилось, а только потреблялось. По окончании войны люди встретили голод, разруху, эпидемию. При таком положении люди верили всем слухам и бегали от одного места в другое, становились в очередь и часто стояли сами не зная за чем. Об этом и пишет Романов в своих рассказах "Значок" и "Нераспорядительный народ". В рассказе "Значок" Романов описывает, как группа людей, обсуждавших таинственность значка, который обещали выдать за участие в трудовой повинности. Кто-то сказал:

" Вот теперь калоши, говорят, выдавать скоро будут....
Придешь получать - значок вам предъявите.
- Нету? - Ну и калош нету. " 21

Это был совсем необоснованный разговор, но люди поверили и бежали записываться на трудовую повинность. И, когда организатор этой группы досадовал на то, что так много людей собралось, ведь было сказано только по человеку с квартиры, то чей-то негромкий голос позади сказал, что "Без калош-то ни кому оставаться не хочется". 22

Люди дружно собирались, на перебой захватывали лопатки, хотели быть впереди бригады, чтобы их не обошли значком. В конце рабочего дня все получили значок за участие в трудовой повинности. Но ни кто не знал, что теперь делать с этим значком.

Этот же мотив встречается в рассказе "Нераспорядительный народ" в котором Романов рассказывает, как люди по слухам в течении нескольких минут образовали длинную очередь около запертого музыкального магазина в надежде получить мыло.

Простояв целый час в очереди, не зная зачем и увидев уходящего заведующего магазином, люди стали роптать.

" - Кабы народ-то был распорядительный, сейчас пошли бы,

распробили толком, когда отопрут, что выдавать будут, и не стояли бы зря целый час.

- Вот мучают, проклятие, народ,...

... - Час целый простояли... а они вышли и пошли, себе.

Народ нераспорядительный... " 23

сказал кто-то в толпе и люди стали расходиться прислушиваясь к новым слухам о выдаче того или другого товара.

Косная некультурность этой многочисленной русской массы, называемой, русский народ, которой уже второй раз дали "свободу" за одно поколение, дает Романову новые темы для целого ряда комических мотивов. Культурную отсталость русской массы, Романов хорошо иллюстрирует в рассказах "Родной язык" и "Терпели-
вой народ".

В рассказе "Родной язык", Романов воссоздает послевоенную картину на вокзале, где было целое море людей - солдаты, ехавшие с фронта домой, цивильные с мешками, в которых были продукты для ожидающих их дома детей, женщины, старики и старухи. Транспорт, разрушенный войной, не в состоянии был передвигать эту вечно движущуюся массу. Но все они хотели попасть в поезд, чтобы какнибудь добраться домой. И вот над этой толпой висел "родной язык", которого нельзя было смешать ни с каким другим языком. Женщины ужасались этому языку, но солдаты их утешали, говоря что, мол, "Привыкнешь".

" - Да вы уж всех родителей помянули", - говорила старушка.

" Без этого нельзя" - отвечали ей солдаты. " А зачем ругаться-то, ... - что тебя за язык что ли тянули" - настаивала старушка.

" - А куда ж без ругани нынче сунешься", - отвечали солдаты, -

" тут, когда все горло продержишь, тогда только и проткнешься. " 24

Но старушка наивно наставляла солдат вместо ругани молитву "сотворить", да перекреститься перед дорогой.

" - Это у нас вместо господи благослови идет", - отвечали ей солдаты." - Это брат для всего гордится, - лошадь ли подогнать, в вагон ли пропиться, - везде тебя понимают. " 25

И тут уже нашелся веселый и бывалый солдат, который говорит, что "иностранны слабы насчет этого". Вот они говорят то языком, которого русские не понимают, поэтому нельзя понять, если они и ругаются. " - Немцев мы учили по нашему, так те прямо диву дались. Мы, говорит, далеко до вас не дошли." 26 - объяснял он стоявшей вокруг него массе. И потом продолжал:

" - И что, братец ты мой, сколько местностей я объехал на своем веку, везде своего брата узнаешь, Иной раз, бывало, встретишь какого-нибудь, думаешь - иностранец: манжеты эти и все прочее, как пологается. А разговорился по душам, или на башмак ему сапогом наступил, - глядишь, земляком оказался. - Что уж, настоящее, природное, никакими манжетами не выживешь. " 27

Многие солдаты, слыша матерные слова, могли даже узнать, кто был откуда:

" Саратовские, скажем, те все со злостью дуют, чтоб он тебя когданибудь от доброго сердца пульнул - ни за что А орловские, к примеру, ни одного матерного слова не пустят без того, чтобы милячком тебя не обозвать, али еще как. " 28

В этом рассказе Романов подчеркивает, что никакая одежда не в состоянии прикрыть той необразованности, которая так глубоко сидела в природе русского человека. Образ "Родного языка" сочетается у Романова, как символ и как ирония. В нем Романов сим-

волизирует ту необъятную, некультурную "Матушку Русь", которую можно было узнать даже под манжетами накрахмаленной рубашки. Это, мол, русская природа, которая шагнула далеко вперед, что даже немцы завидуют. В этом и звучит горькая ирония над отсталостью России.

Другая проблема некультурности русского народа, затронутая Романовым, это нечистоплотность и грязь с которой начал бороться еще Петр I, заставляя своих бояр мыться и стричь волосы. Она была так живучая в русском народе, что за 200 лет очень мало подверглась изменениям.

В рассказе "Терпеливый народ" Романов как раз и атакует эту проблему нечистоплотности. "Была объявлена неделя борьбы с грязью", так начинает свой рассказ Романов. Люди должны были идти в баню мыться. И вот ожидая своей очереди, чтобы войти в баню, люди ведут такой разговор:

" - Теперь мыть еще всех затеяли, вот каторга-то,
- сказал кто-то.
- Ведь это что за подлость: гонят народ силком
да и только. " 29

В дальнейшем идет разговор о том, что вши-то мол заели, а вот в баню ходить не хочется. Некоторые из них пришли только потому, что здесь они получат мыло. Каждый из них говорит так, как бы извиняясь перед своим соседом. А потом они стали иронически подшучивать над пропагандистскими санитарными сведениями, что мол:

" - От вшей, говорят, будто тиф разводится ... -
сказал кто-то.
- Слава тебе, господи, всю жизнь с ними ходили
- ничего, а теперь, вдруг, на-поди, развелся.
- От вши тиф, а от клопа холеру объявляют...
- Что ж это, каждую неделю белье менять да стирать? ... " 30

Сколько иронии и сколько правдивости в этих словах. Всю жизнь люди жили с клопами и со вшами и вот теперь заставляют их освободиться от этих паразитов. Как невыразимо отсталой была масса русского народа. Невольно вспоминаются слова Некрасова

" Ты и богатая
Ты и обильная
Ты и убогая
Ты и безсильная
Матушка Русь "

Веками она была убогой и безсильной, вшивой, обутой в лаптях, безграмотной, ленивой, забитой и брез沃尔ной. Хотя многого уже добился русский народ, но воли нет и еще, как видно, долго придется им жить в неволе.

Другой вопрос, выдвинутый Романовым в его рассказах - это вопрос двух поколений, как в городе, так и в деревне. Тогда как старшее поколение все еще держалось отживающих традиций, так ярко описанных Романовым в его главном произведении "Русь" - это вера в церковь, в молитвы и старые традиции, то молодое поколение уже мечтало о машинах, о новых методах в работе, как на заводах, так и на полях.

В "Обетованной земле" Романов противоставляет два поколения крестьянства. Получивши землю после революции, крестьяне впервые вышли на посев в прекрасный весенний день. "Земля лежала перед ними, с виду покорная, обещающая, но они хорошо знали эту покорность." 31

Как и в прошлые годы вышли они с сохой, да святой водой. Старики начали рассуждать о том, как они было еще с поста начинали приготовляться, да по всяким приметам соображать, когда нужно пахать и когда сеять. А бабы в это время ставили икону на возу, доставали

просфорки, да свечи чтобы перед началом полевых работ Богу помолиться, побрызгать ее святой водой и тогда надеяться на то, что Бог пошлет.

Но молодежь смотрела на все это, как на старые пережитки и ненужные причудливости и мечтала о том, как бы хорошо было пустить машину по этому полю. " - Эх, машину бы сюда хорошую, - говорили они, - раз проехать, - готово. Тут бы до самого нутра ее взворочали, поневоле родила бы." 32

Этим Романов показывает, что молодежь не собиралась в дальнейшем надеяться на святую воду, да на молитвы, а мечтала уже о машинах, химическом удобрении и надеялась на свою силу знаний. Образование и механизация будут их верными помощниками на этой обетованной земле, а не святая вода да молитвы.

В рассказе "Свой человек" Романов приводит пример столкновения двух поколений в городе. Сын и отец являются героями этого рассказа.

Алексей Макарыч, старший мастер чугунолитейного цеха на заводе, был в нехороших отношениях с комсомольцами этого цеха. Они упрекали его в грубом отношении к рабочим, в оторванности от масс, в индивидуальности и собственнической тенденции, так как он имел двух коров и брал на дом частные заказы. Как раз в это время он получил письмо от сына, учившегося в Москве на инженера. Тот писал, что он едет на практику и, что по дороге, заедет домой недели на две. У Алексея Макарыча вспыхнула надежда, что его сын, инженер, может поступить на завод здесь, тогда уж он покажет этим соплякам комсомольцам. Ведь он же свой человек и в обиде его не оставит.

Но через два дня по приезде сына выяснилось, что сын и отец думали совершенно по разному. Сын подружился с комсомольцами и стал помогать им, а не отцу. Это очень обидело Алексея Макарыча. И когда сын сказал ему, что ему нечего кричать на мать, так как она не его крепостная, то Алексей Макарыч хмуро и с обидой ответил

" - Что же это, я уж не хозяин в своем доме? ...
 Новые хозяева завелись? То-то они нахозяйничали,
 что опять без хлеба сидим, а скоро вовсе подожнем,
 потому, как в крепостное право, на вас работать...
 - Так бы сразу и говорил, - сказал спокойно сын,
 - тогда бы я знал с кем я дело имею.
 - Что "так бы сразу и говорил"? ...
 Чтобы ты тогда знал? - спросил озадаченно и тревожно отец.
 - А вот, говорю, тогда бы знал, кто ты.
 - Кто ... рабочий.
 - Ты-то рабочий? - спросил Антон, ... отца. -
 Ты- частник, а не рабочий. Да это еще хорошо, если
 частник, а то, может быть, и похуже что ... У тебя
 вся психология - кулацкая. Ты все в одиночку." 33

Это очень оскорбило Алексея Макарыча. Его собственный сын, от которого он ожидал помощи и защиты, называет его кулаком за то, что он всю свою жизнь работал так усердно и копил одну копейку до другой. Такое отношение сына к отцу было совершенно непонятно Алексею Макарычу. Он не мог понять того, как мог сын изменить интересы семьи для интересов государства. Здесь, как и в "Новой скрижали" поставлен вопрос, что важнее - интересы семьи или интересы коллектива? Молодой инженер, Антон, как и Сергей в "Новой скрижали", решает, что интересы молодых комсомольцев завода важнее, чем интересы его индивидуалиста-отца.

Приведенные примеры из рассказов Романова говорят, что источником комизма для них служат массовая безсознательность,

косность, противоречие дела и слова, мелкий индивидуализм, эгоизм, страх перед всем новым.

Почему же Романов приписывает все эти отрицательные качества своим героям?

В своей статье "Русь и СССР", написанной в 1936 году под давлением реабилитации, Романов высказывает мысль, что он с самого начала своей писательской деятельности занялся целью изучит "... главные черты русского характера и особенно его отрицательные стороны, которые обрекли русский народ остаться в положении политического летаргического сна дольше чем все другие национальности." 34

Изучая русский характер почти десятилетие, Романов приходит к заключению, что "...самыми выдающимися его чертами являются - пассивность, безразличие к перемене жизненных условий, неуверенность в своей цели и привычка верить в судьбу..." 35

Прочитав вышеуказанное объяснение Романова, становится ясно почему его характеры носят стихийную медлительность реакции ко всему происходящему вокруг них. Русская поговорка "Еще успеем" сопровождает почти все романовские характеры его ранних рассказов.

По содержанию, рассказы Романова короткие и всегда сводятся к иллюстрации комических моментов. Герои этих рассказов всегда безымянные, взятые из толпы только для того, чтобы сделать их представителями определенного мотива для того или другого рассказа. Несмотря на это, герои Романова жизненны и правдиво убедительны.

Хорошо владея приемами композиции, Романов пишет не-принужденно просто, употребляя подлинно народный язык.

FOOTNOTES

¹Panteleymon Romanov, "Goluboje platje", Rasskasy, "Knizhnaja lavka pisatelja", Riga, 1930, p. 8.

²Panteleymon Romanov, Polnoe sobranie sochineniy, Isdatelstvo "Nedra", Moskva, 1929, vol.II, p. 19⁴.

³Ibid., p. 196.

^{4&5}Ibid., p. 199.

^{6&7}Ibid., p. 176.

⁸Ibid., p. 177.

⁹Ibid., p. 179.

¹⁰Ibid., p. 180.

¹¹Ibid., p. 30.

¹²Ibid., p. 32.

¹³Ibid., p. 33.

¹⁴Ibid., p. 32.

¹⁵Ibid., p. 85.

^{16&17}Ibid., p. 86.

¹⁸Ibid., pp. 89-90.

¹⁹Ibid., pp. 92-93.

²⁰P. Romanov, "Ogonjky" Rasskasy, vol. LXV, Isdateljstvo "Gramatu Draugs", Riga, 1929, p. 107.

²¹P. Romanov, Rasskasy, vol. II, Isdateljstvo "Nedra", Moskva, 1929, p. 13.

²²Ibid., p. 14.

²³Ibid., p. 80.

²⁴Ibid., p. 91.

²⁵Ibid., p. 92.

²⁶Ibid., p. 93.

²⁷Op. cit., 93.

²⁸Ibid., 94.

²⁹Ibid., p. 161.

³⁰Ibid., pp. 165-166.

³¹Ibid., p. 55.

³²Ibid., p. 56.

³³P. Romanov, "Voprosy pola", Rasskasy, Knigoisdateльstvo "Literatura", Riga 1927, vol XV, p. 128.

^{34&35}P. Romanov, "On the Volga", Scribner, New York, 1934, p. 244.

" ВОПРОСЫ ПОЛА "

В своих рассказах о любви, Романов остро указывает на кризис интеллигентной морали, вызванный противоречиями этого периода. В незапнном переходе от традиционной морали к аморальности, автор хочет доказать, какой неустойчивостью пользуется навязанная мораль.

Давайте разберем несколько рассказов Романова о морали, в которых он особенно подчеркивает новые отношения полов среди студенческой молодежи, о том положении, которое занимала незамужняя мать в этот период, об отмене церковного брака. В этот период Бог был удален и свободная любовь была в моде.

Рассказ "Без черемухи" показывает, что несмотря на свободу любви, русская женщина все же стремилась к прочной семейной жизни по старой традиции, то есть любить и быть любимой, выйти замуж и иметь семью.

Сюжет этого рассказа таков: девушка студентка знакомится со студентом и в первый же вечер она отдается ему. Результатом этого знакомства была ее беременность. Сходясь с этим студентом, девушка жаждала настоящей любви, но наш герой оказался грубым эгоистом, который интересовался только физическим удовлетворением своих страстей. "Что ты еще хочешь?" - спрашивает он ее насмешливо. "Красивые обстоятельства? Это для тебя недостаточно поэтически?"

Девушка могла забыть те неприличные обстоятельства, но она не в состоянии забыть грубости и без tactности того, кому она отдалась. Она пишет письмо своей подруге, у которой она спраши-

вает, как она чувствовала себя, когда она впервый раз отдалась любимому мужчине. Несмотря на то, что был прекрасный весенний день, она чувствовала себя виноватой, как бы она сделала постыдное дело.

" На окне в моем общежитии стоит бутылка без горлышка и в ней завялая, сорванная ветка сирени. Я принесла ее вчера домой....

И когда я смотрю на эту бутылку, мне хочется плакать. " 1

Так начинает она свое письмо к подруге. Она говорит, что она не плачет по потеряной девичьей чести, не страдает от угрызения совести за свое первое "падение". И, все же, что-то такое не-понятное, перепутанное мучило ее, чему она сама не отдавала ответа. Она страдала от того, что ее первая физическая любовь случилась в грязной комнате, на грязной кровати в темноте, без всякой ласки со стороны молодого человека. И после всего этого он выпроводил ее через черный ход и она шла домой одна со всеми своими разочарованиями. День своей первой любви она представляла, как день праздника и счастья. Но другие студентки думали, что у нее большое наивное представление о любви. Они думают совершенно по разному. С ее пониманием о любви, ей приходилось трудно жить среди людей, которые имели совершенно другой взгляд на жизнь. Она говорит, что студенческая молодежь в университете совсем не интересуется ни красотой, ни ласками, ни нежностями, ни приличной одеждой ни чистотой. Все это отодвинуто и заброшено, как старые буржуазные пережитки. Небрежность, нечистота, презрение ко всему прекрасному является как бы законом среди молодежи.

" И все это из-за страха нарушить не написанный моральный закон. - говорит она.

" Для нас не существует любви; у нас есть только

половые сношения.... А тот, кто хочет найти в любви больше, чем физиологическое удовлетворение, высмеивается, как душевно-больной человек." 2

В дальнейшем она описывает того, кто является причиной ее плохого настроения. Она говорит, что у него нет ничего особенного. Он только обычный студент, в сапогах и в синей рубашке с расстегнутым воротником. У него длинные, взлохмоченные волосы, которые он постоянно приглаживал рукой. Но что же тогда привлекло ее к нему? Это были его вдумчивые, серьезные глаза. Он был умный студент и считался руководителем среди студентов. В нем как бы совмещались два человека: один с большой внутренней силой и серьезными мыслями; и другой - пошлый шутник, который действует на нервы своим хвастовством. "Он хочет быть пошлее, чем он был в действительности." 3 Его наглость привлекала девушек и каждая считала себя счастливой иметь с ним свидание. Она знала его как студента уже долгое время, но ей только в этот весенний вечер удалось пойти с ним на прогулку. Идя по берегу реки Москвы он пригласил ее к себе на квартиру.

" Пойдем ко мне на квартиру, я живу не далеко отсюда - сказал он.

Нет, я не пойду.

Что это? Этикет?

Нет ни какого этикета. Это впервых. А вовторых сейчас очень прекрасно быть на улице." 4

На этом разговор на время закончился. Но молодой человек не потерял надежды получить свое удовольствие с этой наивной девушкой. В дальнейшем разговоре они поссорились и расстались. Каждый пошел своей дорогой.

Но расставшись с ним, она почувствовала ужасное одиночество. Ей не хотелось оставаться одной в такой прекрасный осенний вечер. И у нее не было никого другого, с кем бы она могла провести вечер. Она решила пойти к нему на квартиру. Он уже забыл про нее и садился за учебу, и был удивлен ее возвращением.

Если у нее не было того физиологического желания соединиться с ним, что у него, почему она пошла к нему на квартиру?. Романов не высказывает это в своем рассказе, а оставляет вопрос открытым. Но героиня сама говорит, что она могла бы уйти даже в самый последний момент, но что-то притягивало ее к нему. Она ожидала ласки, нежности, поцелуев от него в этот момент, но она видела в нем только животное желание самца, - как можно скорее овладеть ею'. Такое поведение любовника было ей очень отталкивающим.

" Мы, женщины", - говорит она, - "даже при свободной любви мы не можем смотреть честно на действительный факт. Для нас факт всегда в конце главы, а в начале ее мы превлечены самим мужчиной, его мыслями, его способностями, его душой, его ласками. " 5

Все это вместе с физическим актом полового сношения приносит женщине счастье и полноту ее жизни. Если же она является жертвой только физического акта, тогда она презирает и себя и мужчину. Эти факты часто являются причиной разлада в семье и даже ее распада и в наше время и не только в России но и в нашей стране. Ее женские чувства были оскорблены не из-за того, что она отдалась ему, а из-за того, что, после совершенного акта, он постарался как можно скорее выслать ее из комнаты, чтобы его

товарищи не застали их в комнате. Он беспокоился только за себя и за то, чтобы товарищи не узнали о его проделках. У него не было ни чувства, ни любви, ни сожаления к ней. Он использовал ее для своих нужд, как он бы это сделал с какой либо вещью. Приводя ее через заднюю дверь, он даже не сказал ей хорошего слова.

"Мы не сказали друг другу ни слова и даже не смотрели друг на друга".

Так закончилась первая любовь новой советской студентки. Не смотря на свободную любовь, все же они чувствовали неловкость в том, что они делали.

Рассказ "Большая семья", является продолжением рассказа "Без черемухи". Он написан в том же стиле. Год спустя героиня первого рассказа опять пишет письмо своей подруге. За этот год многое случилось с ней, говорит она. Она прошла трудную школу борьбы со старыми традициями и пришла к заключению, что некоторые из этих традиций были недостойны сохранения.

Она пишет своей подруге, что скоро после того рокового вечера она узнала, что она была беременная. Ее охватил ужас и отчаяние. Что нужно было делать в таком положении? Как поступить? Она была студентка Московского университета. Она приехала сюда из деревни, чтобы получить образование, а вместо этого она принесет позор своей семье и всей деревне. В этом отчаянии она, все же, решает ехать домой и признаться в ее положении своей матери.

Приезжая в деревню, она еще по дороге почувствовала, что многие из ее сверстников были недобродушно настроены против нее. Они смотрели на нее, как на человека, который осмелился покинуть

старые традиции. Она говорит, что во вз^яде жены кузнеца, ко-
торую она встретила по дороге и с которой она хотела так радостно
поздороваться, она заметила ненависть к себе.

" Когда кто-либо бросает на тебя такой взгляд
ненависти, то ты, даже без всякой вины,
сжимаешься в себе ни во что. " 6

пишет она своей подруге.

Прийдя домой, она с печалью в своей душе заметила, что
со дня ее отъезда здесь ничего не изменилось. Здесь были те же
куриные ямы возле хаты, тоже бездонное ведро все еще валялось
возле порога, выброшенные помои, которые выливали прямо с порога.
Видя все это

" Я почувствовала то безвыходное положение крестьян-
ской жизни, которая вечно стояла не подвижно на
том же самом месте. Те же самые помои, те же
тряпки на веревке, которые были десять, пятнадцать
лет тому назад. " 7

Через уста своей героини, Романов показывает ту "стагнацию" де-
ревни, которую даже революция не могла изменить. В лице своей
матери, героиня видела тяжелую, безрадостную жизнь крестьянки,
которая преждевременно уничтожала женскую красоту, ее достоин-
ство и делало из нее только рабочий инструмент.

Но ей не долго пришлось задумываться над судьбой кре-
стьянки, так как нужно было решить ее собственную судьбу и судьбу
будущей жизни, которую она носила под сердцем.

Через несколько дней мать ее стала замечать, что с ее
дочерью было что-то не в порядке. Она стала намекать на то, что
в это время много девушки, которые готовы наплевать на все. Они
ничemu не пригодны, кроме позора семьи. Позор на всю жизнь,

который люди не прощают им. Как мать она беспокоилась за свою дочь, которой было уже двадцать пять лет и она была еще не замужем. По старой русской традиции она была уже старая дева, которая ~~на~~ вряд ли будет иметь возможность выйти замуж, если она не поторопится. Но прижить ребенка без мужа было в десять раз хуже, чем остаться старой девой. Эти традиции в деревне были ~~очень~~ еще сильны и для матери было так же трудно подумать о том, что ее дочь прижила ребенка без мужа. Пустив свою дочь в город на учебу, она всегда думала о том, что с ней может случиться. "Я не сплю ночами и думаю о тебе." ⁸ И когда дочь призналась ей, что она была беременная, то мать ответила ей, что "Делай что хочешь, но не приноси позору мне." ⁹

Для женщины, прожившей всю свою жизнь в среде, где бесчестие девушки было самым низким преступлением, у матери ~~не~~хватило силы воли бороться с этими традициями и она отказалась от дочери.

Наша героиня возвращается в Москву. Ее первые мысли были - освободиться от своего позора. Она решает искать помощи в госпитале. По дороге она проходит через множество душевных переживаний, так как ее мысли раздваивались между старыми традициями, в которых она была воспитана и новой моралью, в которой она жила в настоящее время. Ни старая, ни новая мораль не подействовали на нее так, как мысль о том, что она собиралась убить существо, которому она дала жизнь. Она возвращается в общежитие и решает ожидать рождения ребенка. Когда она сообщила двум студенткам о своем положении, то они объявили ей, что это было великолепно. Никто ее здесь не осуждал, никто не упрекал в том, что она опозорила женскую честь. А наоборот, они во всем помогали ей,

с радостью и нетерпением ожидали рождения ребенка. Они как бы гордились тем, что

" ... мое положение было как бы живой пример победы над предрассудками старой морали и они объявили это как " нормальное положение, способное возмутить только узко ограниченных буржуев". " 10

С этого момента она почувствовала, что она "... покончила с тиранией семьи над личностью, той темной, грязной тирани....

" У меня есть теперь другая, большая семья, семья всего человечества, связь с которой я сейчас чувствую так ясно, так ощутительно. " 11

Здесь Романов, как и в его других произведениях, поднимает вопрос замены семьи коллективом. Тогда, как семья отвергла ее за ее поступок, отказалася ей во всякой помощи в трудное для нее время, то общество взяло ее на поруки, помогло ей закончить университет и стать на твердый путь жизни. Эти же проблемы встают перед нашим обществом сегодня. Каждый год появляется все больше и больше незамужних матерей в нашей стране. Отсюда видно, как актуальны являются те проблемы, которые Романов поднимал сорок лет тому назад в коммунистическом обществе.

Мы узнаем дальше, что наша героиня случайно встретилась с отцом ее ребенка. Она "познакомила" отца с сыном, но ни в какой мере не стала упрекать его за его поступок, или за то, что он испортил ее жизнь. Своим спокойствием, своей уверенностью, она устыдила его без всяких трагических упреков. Они расстаются в хороших отношениях и у нее нет отчаяния или замешанности, а твердая будущность

" Я чувствую необъяснимую внутреннюю силу, цельность и свободу. " 12

Так заканчивает героиня свой рассказ, которая уверена в себе,

в свое будущее и будущее своего ребенка, у которого нет отца.

Эти два рассказа Романова имеют много общего с произведением Вересаева "Исанка".

В рассказе "Право на любовь", Романов высказывает идею, что каждый человек имеет право на любовь. Но уметь правильно использовать это право и уметь любить, это совершенно другое дело. Быть не сдержаным в любовной морали, очень плохо; но быть глупым идеалистом, это так же плохо.

Чтобы доказать правильность своей идеи Романов берет двадцатипятилетнюю девушку, которая до сих пор ни кого не любила и не была любимой. Она еще ни разу не испытала того счастья любви, которое все другие испытывали вокруг нее, от подростков до пожилых людей. Хотя она была интеллигентная девушка, хорошо построена, приятно выглядела, все же, ни один мужчина не интересовался ею серьезно. Она никогда не шутила, никогда не смеялась, никогда не проявляла игривой жизнерадостности перед мужчиной. Она думала, что мужчина без всего этого должен видеть в женщине действительную ценность и внутренние качества, которые должны дать ей неоспоримое право на любовь. Таковы были ее понятия о любви.

Когда она была на веселых вечеринках и имела возможность говорить с молодым человеком, то он ~~до того~~ скучал слушая её медленный, серьезный разговор. Она говорила так, как бы читала лекцию. Прослушав такой разговор-лекцию, молодой человек больше уж никогда не возвращался к ней.

Другой ее недостаток был, это ее комическая прическа. Она никогда не завивала волос, никогда не красила губ, никогда не пудрила свое лицо. Поэтому, по сравнению с другими, она выглядела

очень просто, безжизненно и старомодно. Все шутили над ней на работе, но она этого не замечала. Когда ей говорили двухсмысленные шутки, она принимала их за чистую правду этим самым вызывая смех своих коллег. Тогда она думала, что

" Если бы они только знали, как ей хочется освободиться от этого недостатка застенчивости, которая была так сильна, что она не в состоянии была побороть ее. " 13

Но все эти ее недостатки и были причиной того, что мужчины не до-трагивались до нее. Репутация ее невинности была так сильна, что мужчины думали, что она не способна ни на каких чувства. Но в действительности ее внутренние чувства превышали чувства ее подруг, но никто этого не знал.

Ее застенчивость и скромность стояли на каждом ее шагу и она стала их ненавидеть. Вера хорошо понимала, что в это время

" ... все старые формы и образцы жизни были отменены, и, что свободная любовь была законной, это был, так сказать, протест против старой подчиненности и может быть возврат к здоровой простоте. " 14

Все это Вера понимала очень хорошо и, понимая, не боялась этого. Но ее, все же, пугала какая-то непонятная ей внутренняя тревога.

Слушая рассказы своих подруг об их случайных знакомствах, или временной жизни с мужчинами, которых они не любили, а просто жили с ними потому, что это им доставляло удовольствие, Вера думала, что такая жизнь не обогащает, а, наоборот, обедняет чувства. Но если все это делали другие и находили в этом удовольствие, думала она, то она недолжна стоять в стороне от протекающей мимо нее жизни. Она решила собрать все свои силы и побороть в себе отвращение к любви и отношений двух полов.

Случай, поставить на пробу ее решение, подвернулся очень скоро. Она возвращалась в поезде от подруги, когда к ней подсели молодой человек. Он начал заискивать сближения отношений с ней. Но не успел он дотронуться до нее, как она разразилась слезами. Это его очень перепугало. Он стал успокаивать ее и просить извинения говоря, что

" Я редко встречаю настоящую, честную женщину, от этого я сам стал мелочный и пошлый" - говорил он ей... - "Что представляют собой сегодняшние девушки комсомольских организаций или интеллигенции? ... Они смотрят на вещи, как на физиологический процесс..."¹⁵

Таким образом их грубое знакомство развернулось в открытый душевный разговор. Разговаривая, они незаметили, как они доехали до своей станции. Молодой человек предложил проводить Вера домой. Она была очень счастлива думая, что наконец-то нашелся мужчина, который увидел в ней "внутренние" ценности. Она совсем не замечала в нем лицемерности и двоякого подхода. Она наивно, по детски, верила ему все, что он говорил. Здесь Романов применяет ту же технику идеализма и наивной доверчивости, которой он пользуется в выведении характера Аркадия Незнамова в "Товарище Кислякове".

У ворот своего дома Вера приглашает своего спутника, который представился ей, как Шварц, в свою комнату и предлагает ему остаться на чашку чая, который она принялась приготовлять на примусе. Но ее поведение, ее непрерывный разговор про серьезные дела, ее деловитость убили у Шварца весь интерес к этой девушке, который у него проявлялся с начала их знакомства. Они просидели вдвоем в комнате до двух часов ночи и не обменялись даже поце-

луем. Когда он нежно гладил ее руку, то у нее возникала небесная надежда на то, что этот молодой человек понимает ее и ценит ее за ее умственные способности, за ее внутренний идеал по отношению к любви. А он думал, что "какое несчастье, что она говорит так много, что ее не остановишь." 16 И чем больше она говорила, тем больше он скучал с ней.

"Когда она сказала ему о ее уединении и ее высших взглядах на любовь, он почувствовал, что у него исчезли все его желания...." 17

овладеть ею. Он, неожиданно для себя, принял скучный, серьезный, корректный тон разговора с ней, который обычно употребляется в обществе высокоуважаемых дам. Он стал объяснять ей, что жизнь сегодня идет быстрыми шагами и что в ней нет места для уединения.

"С настоящим темпом жизни мужчины и женщины расходуют больше, чем они сохраняют; у них остается только достаточно энергии для обыкновенных животных возбуждений: где же тогда то возвышенное, о котором ты говоришь?" 18

спрашивал ее Шварц. Она ответила ему, что тогда мужчины смотрят на женщину только, как на самку. Вот это как раз и пугало ее, что она была только самка, а не женщина с ее внешней красотой и ее внутренними качествами, которую воспевали артисты на протяжении веков. Она понимала ценность женщины в ее артистическом представлении, а не в ее физиологической структуре.

Шварц понял, что это не была представительница свободной любви, а высшей идеальной любви, которая стала редкостью. Эта девушка имела чистую, наивную душу, которая была способна любить страстно и безкорыстно.

"... Только такая жена готова следовать своему мужу на ссылку в Сибирь, она готова на все жертвы. В этой простой девушке с прямыми волосами было похо-

ронено то сокровище любви, которое оправдывает жизнь.

Те, кто испытал на себе такую любовь знают, что жизнь, освещенная такой любовью, была действительно наибольшим чудом на земле." 19

Но такой безкорыстной любовью ни кто, в настоящее время, не нуждался. Мужчины смотрели только на внешность женщины, на ее умение быть веселой, жить беззаботно и уметь развлекать. Шварц так же неинтересовался идеалами любви. Просидев с ней до двух часов утра, он расстался поцеловав ее в лоб.

Такое отношение мужчины подействовало на Веру, как лекарство. Она ожила и, как бы, похорошела.

" У нее появилась какая то сила.

Какая сила, откуда... она не могла понять....

Вера чувствовала, что она превратилась в другое существо, чем она была до этого.... " 20

Первый раз в ее жизни она поняла смысл любви и она вспомнила, что

" ... Только тот, кто имеет право на любовь, получает право на жизнь." 21

Она была уверена, что она заслужила это право на жизнь и на любовь. Ей казалось, что до настоящего времени, она была безжизненным объектом, двигающимся автоматическим механизмом, усталая и безразличная ко всему окружающему. Но, вот так неожиданно, у нее как бы родилась новая душа, которая увидела мир в совершенно новом прекрасном свете.

Но все это оказалось только сказкой, которая минула неделю спустя. Шварц не мог заставить себя привыкнуть к ее прямым волосам, к ее прическе, к ее медленному говору. Ее невинность и серьезность мысли только раздражали его, хотя он и знал, что она крепко полюбила его. И, чтобы в дальнейшем не давать ей больше надежд, на

его любовь к ней, он написал ей письмо, объясняя причины его ухода от нее. Он писал ей, что он был убежден, что между ними ничего не могло бы выйти. Он чувствовал себя очень плохо в ее присутствии и не мог отвечать на ее идеалистические настроения.

Он писал ей, что ее любовь к нему, которая высказывалась в ней в форме ее самоотвержения, пугала его, так как за свою любовь она требовала полного владения его чувствами.

" Твоя любовь не разрешает тебе смотреть на вещи честно.... Ты будешь требовать от меня постоянства и самоотречения, и ты должна понять, что это простая глупость.. " 22

Шварц внушал ей немедленно оставить свой невинно-заботливый взгляд, перестать рассказывать каждому о своем уединении и о своих идеалах любви, освободиться от наивности и начать жить в соответствии с реальностью времени.

" Мне очень жаль тебя", - писал Шварц, - "потому что ты не сознаешь, какими врагами для тебя являются твои прекрасные качества. " 23

Это письмо Шварца было для Веры, как громовой удар среди ясного дня. Те надежды на идеальную любовь, которые она питала в себе еще несколько часов тому назад, рухнулись и перед ней опять встало стена одиночества и безрадушия. Ее трагедия заключается в том, что она не могла воспринять, так называемую, свободную любовь современной молодежи. Она не хотела разделять своего возлюбленного ни с кем другим, поэтому она оставалась одинокой.

FOOTNOTES

¹ Panteleymon Romanov, Rasskasy, "Without cherry blossom"
 Ernest Benn, London, 1930, p. 13.
 Text translated from English into Russian by the student
 herself.

² Ibid., p. 17.

³ Ibid., p. 18.

⁴ Op. cit., p. 18.

⁵ Ibid., p. 26.

⁶ P. Romanov, Rasskasy, "The big family", Ernest Benn,
 London, 1930.

⁷ Ibid., p. 36.

⁸ Ibid., p. 37.

⁹ Ibid., p. 38.

¹⁰ Ibid., p. 43.

¹¹ Op. cit., p. 43.

¹² Ibid., p. 52.

¹³ Romanov, P., Rasskasy, "The right to love", Ernest
 Benn, London, 1930, p. 129.

¹⁴ Ibid., p. 131.

¹⁵ Ibid., p. 137.

¹⁶Ibid., p. 147.

¹⁷Ibid., p. 148.

¹⁸Ibid., p. 149.

¹⁹Ibid., p. 151.

²⁰Ibid., p. 155.

²¹Ibid., p. 156.

²²Ibid., p. 167.

²³p. cit., p. 167.

"НОВАЯ СКРИЖАЛЬ" 1927.

Роман "Новая Скрижаль" появился в печати в 1927 году в журнале "Новый мир". Это было его первое и последнее появление в Советском Союзе. Судьба этого романа очень мало известна в настоящее время. Есть предположения, что гораздо позже это произведение попало заграницу и было переведено на другие европейские языки, в том числе и на английский, под названием "Новый Завет".

Роман "Новая Скрижаль" является большим морально-психологическим произведением Романова ("Товарищ Кисляков" появился позже). В этом произведении, автор впервые ставит проблему новой, смешанной семейной жизни двух людей, которые различны по своему социальному происхождению и по образованию. Герои романа Сергей и Людмила. Сергей бывший крестьянин, Людмила из старой интеллигенции. Две социальных среды, два различных образования, два противоположных понимания о любви в условиях нового, Советского строя. Сходясь для совместной жизни, они не имели той общей основы интересов, которая необходима для прочной совместной жизни двух людей. Каждый из них старался только выиграть от этого объединения.

Один из главных характеров, Сергей, родился и вырос в отсталой русской деревне, где забота о добывании хлеба и денег были главным разговором крестьян. Не имея никакого образования, крестьяне верили в то, что выше всего на земле были деньги. Человек, умеющий добывать эти деньги, был "настоящим" человеком, достойным чести и уважения. Отец Сергея был таким же косным,

как и все остальные. И для него деньги были выше человеческих качеств - любви и честности. Одним словом "Он все мерил на деньги".¹ Когда Сергей женился на скромной крестьянской девушке без приданого, отец его был очень недоволен. "И Сергей, рано почувствовал, что интерес его жизни совершенно в другом, чем у отца, все время испытывал на себе чуждость и враждебность домашней стихии".² Это было толчком к его твердому и несокрушимому желанию получить образование. После сельской школы, он поступил в гимназию. А после гимназии помощником продавца в книжный магазин. Здесь он использовал все свое свободное время для чтения книг.

Когда наступила революция, Сергей ушел на фронт, чтобы бороться против косности и нечестной наживы денег. Он был тогда рад революции, которая показала тем людям, которые только грабили деньги, что кроме них "есть еще и другая сила". По возвращении с фронта он был избран членом исполкома прифронтового уездного городка. Узнав об этом, крестьяне его деревни стали заискивать перед ним, но он стоял твердо за дело революции. За это они стали ненавидеть его. Шла еще гражданская война и ему часто приходилось оставлять исполком и уходить на фронт. Время это было очень трудное. Кругом царила разруха, голод, эпидемия, смерть и обезумевшие от страха люди. Но, наконец, и это все кончилось. Сергей уезжает в Москву, где он работает председателем профсоюза и заведующим клуба рабочей молодежи. Живя первые месяцы в Москве, Сергей "... чувствовал какое-то опьянение от своего слияния с бесконечным потоком людей..."

" И всегда после живого соприкосновения с массой у него бывал особенный прилив энергии, ясности мысли и бодрого стремления идти вперед. " 3

Но его одинокая жизнь в плохо обставленной, неуютной комнате была скучной. Ему хотелось иметь подругу жизни, с которой бы он мог делить свои радости, свои успехи и которая могла бы понимать цель его жизни. Бывая вечерами в театрах столицы, он видел жизнь, так называемого, "разбитого класса", который был чуждым ему. На сцене и в жизни он видел женщин, которые совсем были не похожи на его жену, Грушу. Так как они были одеты в тонкие, нарядные платья и имели красивые руки, он думал, что они имеют тонкие, благородные чувства. "Ведь тонкая душа этих женщин, - думал Сергей, - воспета всеми поэтами..." 4 Он думал, что такие женщины способны дать ту любовь, о которой он знает только из книг и которая совсем не похожа на любовь Груши. Это было очень соблазнительным в его одинокой жизни. Ему казалось, что какая-то большая часть этой жизни все же остается для него неизведанной. Когда другие мужчины проходили мимо него с хорошо одетыми девушками, он останавливался и смотрел им вслед. В его глазах была и зависть и тоска.

Это были его тайные мысли, которые он старался спрятать даже от самого себя. Но они, опять, как бы вылезали наружу и он не в состоянии был побороть этих соблазнительных, полных зависти мыслей.

Но вот, наконец, и он встретился с женщиной, по которой он так тосковал. Это была Людмила - высокая, молодая женщина с легкой походкой и красивыми тонкими руками. Сначала у него было

чувство неловкости и неумения с ней говорить на неофициальные темы. Но скоро эта неуверенность исчезла и слова сами находили прекрасные выражения в его разговоре. Его грамматический язык удивил Людмилу, так как она не ожидала этого от простого "мужика" и она заметила, что у него был "... правильный, интеллигентный язык." ⁵ Она удивлялась знаниям Сергея и его тонким чувствам, которые он проявлял к ней. Сергей увлекся Людмилой и его чувства к ней обращали постепенно его в другого человека. "... Он получил способность новых, неизвестных ему раньше ощущений - тонких просветленных". ⁶ Она казалась ему "тайной и недоступной". Его влекло к Людмиле, так как в ней Сергей видел новую, раньше ему недоступную душу женщины чужого для него круга.

" И каждое незаметное приближение к ней через эту завесу недоступности, которая была между ним и ею, доставляло ему незнакомое раньше наслаждение и подъем всех сил." ²⁴

Сергей удивлялся твердости характера Людмилы и ее закаленности, которые Людмила проявляла внешне перед Сергеем. Но для Людмилы искренняя любовь и потребность ее жизни для другого человека, были высшим счастьем на земле, которого нельзя было купить ни твердостью ни закаленностью.

" - Самое большое счастье, какое только доступно, - говорила она Сергею, - "это то, когда твоя жизнь окажется нужна, очень нужна. И вот отдать ее целиком, без остатка, как величайшую ценность, а не как ненужность, - в этом счастье." ⁸

Такой взгляд Людмилы на жизнь очень понравился Сергею, хотя он и не понял его смысла.

Они сходятся и начинают новую, совместную жизнь.

Хотя Сергей и был женат на Груше, это не помешало ему начать гражданское супружество с Людмилой. Сначала все шло хорошо. Людмила выла бесконечно счастлива с Сергеем. Она чувствовала само-удовлетворение и любовь только тогда, когда она была вместе с Сергеем. Она отдалась ему не только телом, но и душой! Все это очень льстило Сергею, что эта интеллигентная женщина, так любила его. Но за свою душу, которую она отдала Сергею, Людмила требовала его душу. Душу за душу, была очень дорогая цена для Сергея.

Людмила наслаждалась и восхищалась признанием Сергея о том, что его любовь к Людмиле пересилила его любовь к работе. "... Ведь моей мечтой было", - говорила она ему, - "чтобы любовь ко мне была сильнее всего на свете. Тогда это будет высшее счастье." 9 Но это был нездоровий стимул Людмилы, родившийся из ее разочарований в прошлом. Она не хотела быть опять обманутой мужчиной.

Если Людмила была счастлива проводить время с Сергеем запервшись в своей комнате, то Сергею нужны были люди, толпа, с которыми он привык вращаться и работать. Они давали ему новые силы и новые идеи к движению вперед. Ему пришла мысль о том, что Людмила не имела собственной силы жизни, "... поэтому ей постоянно нужен кто-то другой, который давал бы ей эту силу жизни и смысл ея." 10 К такому выводу он пришел из рассуждений о том, что если человек не в состоянии, по своей природе, рождать новые, ценные идеи, которыми может пользоваться все

человечество, а не один человек, то в таком человеке нет собственной силы жизни.

Сергей решает, что он не может отдавать себя полностью одному человеку. Он убеждается, что чем дольше он живет с Людмилой, тем больше его жизнь идет назад. Людмила покупала вещи для квартиры, приглашала своих друзей в гости, в присутствии которых Сергей чувствовал себя чужим и лишним, она была неприветлива с друзьями Сергея и даже скрывалась от них. Она часто жаловалась на то, что ей надоели люди, и что она устала работать. Она слепо превращалась в рабыню своих вещей, которые делали жизнь Сергея невыносимой. Он не приглашал уже людей к себе домой, а сам уходил к другим, где они пили, ели, играли на гармошке и пели песни.

Сергей начал жить двумя жизнями, в двух противоположных мирах - дома и на работе. Эти два мира были враждебны друг другу. Поэтому перед Сергеем стал вопрос: какой из этих двух миров он должен был бы избрать для своей жизни? Сергей приходит к убеждению, что жить с Людмилой он не в состоянии, так как их взгляды на жизнь слишком уж расходились. Поэтому, вся их жизнь и отношения между ними разрушились и увядали. Существовавшая сначала искренность и правда заменились целой вереницей лжи - боязнь откровенности, скрытность, страх, совесть перед коллективом.

За такую жизнь, еще не так давно, Сергей осуждал своих товарищей, которые, попав в город, сошлились жить с женщинами из кругов интеллигенции, завелись мягкой мебелью, таким образом,

потеряли закаленность и пренебрежение идя к внешним благам.

Тогда Сергей считал это изменой революции. А теперь он сам жил такой же жизнью. Но он не отрицал того, что Людмила

"... была лучшей из женщин из этого круга. Ея любовь к нему была исключительной, самоотверженной, беззаветной. Любовь страстной женщины, любовь ревнивой матери. Она несла в себе, казалось, все добродетели женщины". 11

В начале их знакомства, все эти качества Людмилы представляли для Сергея что-то новое, недосягаемое, загадочное, которое ему хотелось постичь и разгадать. Как интеллигентная женщина, она помогала ему рости и расширяться. Но все это теперь остановилось на одной точке, грозило гибелью, задохнуться в замкнутости двоих людей, без общения с массой, с ростом страны. Это испугало Сергея и он невольно задавал себе вопрос:

"Что же лучше: современное упрощение отношений между полами, вплоть почти до полного изгнания всякой поэзии и романтики из них или насаждение идеальной любви и укрепление семьи?" 12

В этой проблеме Сергея, Романов ставит проблему индивидуального и социального места в интимной жизни двух людей в социалистическом обществе. Сергей рассуждает, что все хвалят примерных мужей и отцов, но можно ли их рассматривать "положительным явлением" в социалистическую эпоху? Если это так, спрашивает себя Сергей, то что же случилось с их основными принципами? Все эти вопросы приводят Сергея в заблуждение и у него опять возникает вопрос:

"Не является ли общественное воспитание, выдвинутое впервые коммунизмом, естественным требованием личности, стремящейся снять с себя путы маленькой семьи, чтобы стать всецело членом большой семьи?..." 13

При всем этом сложном процессе учения коммунизма, у

Сергея начинается раздвоение личности. Он теряется в этой теории с ее формами и требованиями в его собственной жизни и с требованиями и желаниями духовного мира его интеллигентной, любящей жены. Во всем этом Сергей старается найти "Новую Скрижаль" в еще необоснованном обществе.

Как же представляет себе Людмила супружескую жизнь с физически здоровым, но духовно запутавшимся мужем, которого она безгранично любит? Обратимся к ее прошлому. Отец Людмилы был управляющим имениями богатых людей. Она выросла и получила свое образование вместе с детьми хозяев. Но как дочь управляющего, она рассматривалась ими, как человек низшего класса. "Трудовая интеллигенция", - говорит она Сергею, - "всегда рассматривалась этими людьми, как нечто низшее, потому, что имела только то, что зарабатывала."¹⁴ Такое отношение к ней со стороны имущих очень оскорбило самолюбие Людмилы и она решила покинуть эту среду. Она поступила в театральную группу против желания своих родителей. Но за неимением таланта, она не имела успеха и проскитавшись год по провинциям, возвратилась домой. Потом пришла революция и все изменилось. Людмила нашла свое призвание в административной работе.

" - Революция научила меня отстаивать свое право на жизнь". - говорит она Сергею. - "Я теперь уже не ниже тех, которые когда то в глубине души пренебрегали мною. Я почувствовала прелест борьбы за свое место в жизни. И у меня теперь есть гордость, гордость человека, своими руками добывающего хлеб.... И мне доставляет злую радость дать почувствовать некоторым людям, что теперь я могу пренебречь ими, как они мною некогда пренебрегали...."

В этих словах Людмилы звучит месть и негодование против людей

прошлого, которые отвергли её, как им равную и по вине которых ей теперь нужно было работать. Это были так-же и слова, которыми Людмила прикрывала свою внутреннюю пустоту. Она работала не потому, что ей это нравилось, а потому, что это была необходимость для сохранения своей жизни. У нее было так же твердое решение доказать тем, кто обманул ее надежды в ее молодости, что она имела силу воли твердо стать на свои собственные ноги.. Но, фактически, работа не давала ей того духовного удовлетворения, которого так страстно хотела ее женская натура.

" - Я стала на ноги, меня ценят и уважают, как работницу, мне платят за это деньги. Но все то, что есть во мне, отбрасывается при этом, как не относящееся к делу, как никому ни на что не нужное. Даже не отбрасывается, а просто жизнь-то моя никому не нужна... Нужна только моя рабочая сила." 16

В этом ее высказывании звучит тоска и неудовлетворенность ее женских чувств, пустота ее женского сердца. Она тосковала о женском призвании - быть женой и матерью, любить и быть любимой. Это были ее естественные желания, так как она была воспитана в обществе и традициях, где женщина была хозяйкой дома, принимала гостей, смотрела за воспитанием детей - это была ее главная задача. Зарабатывать средства для жизни, была обязанность мужчины. Революция отняла все эти ее духовные ценности, этим самым как бы обнажая ее в этих качествах.

Обсуждая вопрос с Сергеем о новом отношении между половами, Людмила, с горечью в голосе, говорит о том, что новый строй намеренно убивает в женщине все лучшее - любовь и красоту, отнимает у нее семью и, вместо всего этого, дает ей равноправие.

- " - Ведь вы намеренно идете к тому, чтобы уничтожить, вытравить из жизни человека самое прекрасное, чем он жил столько веков... Вы хотите уничтожить любовь, красоту, как вы уничтожили уже религию."
- " И дальше она говорит - Вы опустошили жизнь, отняли у нее все краски, уничтожили семью. Что у вас остается? И что вам в женщинах теперь остается,..."
- " - и делает заключение - Но главное, - вы уничтожили любовь. Ту любовь, выше которой нет ничего на земле,... Вы ведь уничтожили ту любовь, которая поднимает человека от животного на недосыгающую высоту человечности, которая рождает в нем самую тонкую поэзию.... Вы пришли, как варвары и смели на своем пути многое из того, что человечество хранило, как высшая ценности в продолжении многих веков."

Из этой, немного длинной цитаты, можно заключить, что словами Людмилы говорил интеллигент-идеалист Романов, увидевший своими глазами уничтожение человеческих ценностей, которые он считал высшими. Поставив своих героев в такие различные социальные группы, Романов как бы испытывал силу буржуазно-интеллигентской морали в условиях переходного периода. Он так-же показал, что высокая мораль ~~недостигается~~ получением образования, а воспитывается при определенных условиях жизни. Отсюда мы делаем вывод, что главной трагедией любви этих двух героев было их глубокое различие культурного воспитания, различных влияний среды, различного кровного происхождения. Сергей, с ранней юности, привык к независимости и движению вперед; Людмила искала преданной любви и домашнего очага не взирая на сложившиеся социальные условия..

FOOTNOTES

^{1&2}Panteleymon Romanov, Novaaja Skrizhali, Isdatestvo "Literatura", Riga, 1928, p. 54.

³Ibid., p. 17.

⁴Ibid., p. 18.

⁵Ibid., p. 22.

⁶Ibid., p. 36.

⁷Ibid., p. 24.

⁸Ibid., p. 27.

⁹Ibid., p. 86.

¹⁰Ibid., p. 88.

¹¹Ibid., p. 16.

¹²Ibid., p. 117.

¹³Op. cit., p. 117-118.

¹⁴Ibid., p. 23.

¹⁵Op. cit., p. 24.

¹⁶Ibid., p. 26.

¹⁷Ibid., p. 38-39.

" ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДУША "

РАССКАЗ 1928.

Сюжет этого рассказа заключается в том, что подруга, поставленная в положение работодательницы, принимает у себя бывшую барыню - свою подругу. Узнав, что та не имеет ни места- жительства, ни работы, ни средств, предлагает ей оставаться жить с ней и исполнять должность работницы, в которой она сейчас нуждалась. Развертывая сюжет этого рассказа, Романов показывает, как рвутся и уничтожаются старые, казалось бы нерушимые, чувства двух женщин, по внешним обстоятельствам поставленных в противо- положные позиции.

Софья Николаевна, только-что расчитавшая свою прислугу, Машу, была очень огорчена этим, так как найти другую прислугу было очень трудно. В такой несчастный момент ее жизни раздался за дверью звонок. Когда Софья Николаевна открыла дверь, то она увидела перед собой нищенски одетую, худенькую женщину, в которой она узнала свою прежнюю подругу Ирину.

" Это был лучший друг ее молодости, единственный друг ее души. Ирина, тонкая, необыкновенная душа, перед которой всегда хотелось раскрыть свою душу, женщина с нежнейшим кротким сердцем, которое, казалось, целиком отражалось в ее огромных грустных и правдивых глазах. " 1

Вот эта женщина, совсем не по ее вине, а через внешние от нее независящие обстоятельства, превратилась в нищего человека, без дома, без семьи, без средств существования. Семья ее неизвестно где, муж ее, белогвардейский офицер, расстрелян, а знакомые теперь сторонятся ее, как эпидемии. И вот, эта подруга была ее

последняя надежда.

Выслушав Ирину, Софья Николаевна рассказала о себе, что ей хорошо живется, и что муж ее государственный человек и что у нее нет недостатков. Она сказала Ирине, что настал ее момент отплатить ей за все, что она и ее семья сделали для Софьи.

"Когда ты была богата, мне всегда было досадно, что я ничем не могу тебе отплатить за твое отношение ко мне и за отношение твоей мамы, которая была для меня второй матерью, и без вас я, круглая сирота, конечно, давно бы погибла." ²

Софья повела подругу в спальню и стала ей показывать свои дорогие платья, свое тонкое белье, которые она примеряла перед зеркалом на своей жирной и выхоленной фигуре.

Этим Романов показывает, до чего бесчувственна была Софья, до чего эгоистична и малосознательна по отношению к положению своей подруги.

"Софья Николаевна взглянула в зеркало и увидела свою выхоленную фигуру хорошо одетой женщины и рядом с собой нищенскую фигуру подруги в простых грязных башмаках с резинкой." ³

Она не понимала, какое впечатление все это, все ее богатства производили на ее подругу. "Сытый голодного не разумеет", как говорит русская пословица.

И когда Софья рассказала ей, что у нее пропала ложка, потому что ее прислуга приглашала своих подруг на чай к себе, то Ирина только ответила, что вещи, в это время, не так уж существенны. Ирина потеряла не только вещи, но дорогих ей людей и ей самой грозила потеря ее собственной жизни. И для нее казалось совсем нелепым, что Софья устраивала скандал из-за пропажи одной ложки.

И, наконец, они стали придумывать, как устроить Ирину на работу. Так как у нее не было паспорта, то ей было трудно достать работу, а без работы ей не дадут квартиры. Они приходят к решению, что Ирина останется жить у Софьи на правах прислуги. Тогда они будут опять вместе и счастливы. Ирина будет иметь работу и место, где она будет жить без страха, а Софья Николаевна будет иметь прислугу, с которой она будет обращаться, как с сестрой.

Ирина была ей, в свою очередь, очень благодарна за то, что приняла такое участие в ее личной судьбе, "не испугалась беспартийности", ⁴ и, как видно "судьба мне послала ангела хранителя в твоем лице, и я безумно, невыразимо счастлива." ⁵

Но прошло только пять дней, как обе подруги почувствовали нелепое положение в отношениях друг к другу. Ирина была очень беспомощна в работе служанки, она не умела приготовлять пищу и накрывать стол. Софья Николаевна расстроилась и была очень не деликатна с Ириной из-за того, что та не умела приготовить салат. Были приглашены гости и Софье Николаевне пришлось самой в поспешности стряпать на кухне.

Когда пришли гости и был подан ужин, Ирина чувствовала себя совершенно нелепо сидя на кухне, когда в столовой были гости и она не могла присоединиться к ним.

Чем дальше Ирина жила с Софьей Николаевной, тем больше они тяготились друг другом. Сначала Ирина боялась хозяина, а потом стал на нее действовать вечно раздраженный, громкий и резкий голос Софьи. Когда оба хозяева уходили из дома, то Ирина чувствовала облегчение и успокоение.

Оставаясь все больше и больше одинокой, Ирина познакомилась с Аннушкой, прислугой из соседнего дома. Она часто сходилась с Аннушкой, так как ей было приятно слушать ее ласковые и спокойные слова.

Но ее дружба с Аннушкой принесла ей больше неприятностей. Софья Николаевна воспитав уже внутри себя неудовлетворенность работой Ирины, все больше и больше раздражалась ее присутствием и все меньше и меньше говорила с ней. Часто Ирина сидела одна на кухне, тогда как Софья Николаевна делала вид, что она была занята в комнатах. Будучи неудовлетворенной работой Ирины, Софья Николаевна не платила ей зарплаты. Деньги, которые она брала у мужа для прислуки, она израсходовала их на новые платья и шляпы.

Увидев, что Ирина начала дружбу с Аннушкой, Софья Николаевна стала подозревать, что у нее стали "пропадать" ложки и брошки, хотя она их после и находила. Это подозрение очень оскорбило Ирину. Она не в состоянии была дольше оставаться в доме своей подруги. Оставив ей записку, Ирина ушла к Аннушке. Таков сюжет этого рассказа. Он написан так просто, так понятно до малейших деталей.

Что же ценного и интересного в этом рассказе?

С одной стороны нужно заметить, как умело Романов разоблачил дружбу двух подруг, которые оказались в противоположных жизненных обстоятельствах.

С другой стороны, Романов так же умело показывает, как в психике этих женщин начинают зарождаться чувства и мысли, свойственные их положениям. Эти чувства тянули Ирину, бывшую обра-

зованную барыню, в сторону Аннушки, прислуги, которой она сама является теперь. Романов показывает, что Аннушка, при всей своей бедности, имеет больше сожаления и симпатии, чем Софья. Романов высказывает мысль о том, что работа одного качества создает внутреннее единение помимо их социального происхождения.

Софья же стала добычей мещанской тины, которую Маяковский и другие авторы громили так беспощадно в своих произведениях.

Нужно также заметить, что рассказ начинается тем, что Софья Николаевна расчитывает свою старую прислугу за то, что она приняла у себя Аннушку. Эта же Аннушка принимает участие и в развязке этого рассказа.

Таким образом, Аннушка является исходным пунктом конфликта между "барыней" и "прислугой", который выведен Романовым очень тонко и реалистически в изменяющейся психике обеих героинь.

FOOTNOTES

¹Panteleymon Romanov, Rasskasy, Isdateljstvo "Gramatu Draugs", Riga, 1928., vol. XL, p. 107.

²Ibid., p. 108.

³Ibid., p. 109.

⁴Ibid., p. 110.

⁵Ibid., p. 111.

" ПРАВО НА ЖИЗНЬ "
 или проблема беспартийности
 ПОВЕСТЬ

Это произведение, по своей тематике, является предшественником романа "Товарищ Кисляков". Как в том, так и в этом главной темой является крах старой морали и приспособление старой интеллигенции к новой власти. Как мы уже знаем, это была любимая тема Романова. Ощущая постоянное, стихийное давление новых условий жизни в стране, старая интеллигенция старается всеми способами приспособиться к этим условиям социально-коммунистических изменений, которые они не понимали и не в состоянии были понять. Герой этого произведения беспартийный писатель Леонид Сергеевич Останкин, тоже ничего не может понять. Он только думает, что

" Если ты до сих пор существуешь на свете, значит, ты благополучно проскочил через революцию, и теперь имеешь право на жизнь, так сказать, за давностью лет..."¹

Сын инспектора народных училищ, Останкин растерялся после революции и во всех анкетах скрыл свое происхождение и свое образование. В период революции и военного коммунизма, Останкин устроился делать "нейтральное общеполезное дело"² и выждал пока буря революции утихнет и он присоединится к мирному строительству страны. У него никогда не было желания бороться, так как он не знал против кого бороться и за что ему бороться. Он просто был нейтральным.

Но с тех пор прошло уже много времени и многое из-

менилось, но Останкин до сих пор живет в страхе за свою ложь в анкетах. Он боится даже комманданта домоуправления и все время старается быть с ним в хороших отношениях.

Леонид Останкин со временем получил штатную должность секретаря в одном из журналов. Потом он начал писать статьи для этого журнала. Хотя никто, ничего ему и не говорил, все же какая-то тревога не покидала его сердца. Он чувствовал себя как бы виноватым, что вот уже десять лет прошло со дня революции, а он был, все еще, беспартийным.

Едя одним утром в трамвае на работу, он услышал от знакомого писателя, что в газете была напечатана статья требующая от всех писателей стать коммунистами, а кто не станет "тем - крышка!" Этого сообщения было достаточно, чтобы Останкин бросился в панику. Почему его охватила такая паника, он и сам не знал. Когда он сам прочитал статью, то он увидел, что в ней ничего особенного не говорилось. И, все же, он весь день не мог освободиться от закрившейся тревоги. Какова же была действительная причина тревоги Останкина и многих других писателей-попутчиков? Из истории развития литературы в Советском Союзе нам известно, что в это время РАПП-овцам была дана свобода вести кампанию против попутчиков с целью заставить их полностью подчиниться диктатуре этой организации или же совершенного их изгнания из литературной деятельности. Леонид Останкин знал об этом положении в писательских кругах и ему казалось, что его право на жизнь и на творчество, при таких обстоятельствах, было очень зыбко.

Зная свое положение неуверенности, Леонид Останкин писал

так, чтобы другие не подумали, что он был против революции.

Одним словом, он приспособливался. И в своем приспособлении он дошел до механического повторения тем о революции.

"Совершенно не видно лица!" - говорит ему главный редактор Рудаков. -

"Все темы у вас только о революции и о рабочих, но когда не видишь вашего лица, то воспринимаешь это как фальш, потому что теперь "так нужно" писать.... почему это вдруг все шагу не ступят без того, чтобы о революции или о рабочих не написать?" - удивлялся Рудаков. - "Революционное художественное произведение можно писать, ни слова не упоминая о самой революции." ³

Такое требование редактора очень удивило Останкина. Он писал еще до революции, но ему никогда даже в голову не приходило, чтобы от его писания кто либо требовал чего-то особенного. "... Если бы до революции его спросили, чему вы служите? Останкин с ясным лицом ответил бы: - Я служу вообще культуре и удовлетворению эстетической потребности." ⁴

После своего разговора с редактором Рудаковым, Останкиншел домой и рассуждал, что

" - Россия уж такая несчастная страна, что она никогда не увидит настоящей свободы. И как они не поймут, что, запечатывая мертвой печатью источники творчества, они останавливают и убивают культуру?... Ведь, подумайте, нигде, кроме СССР, нет предварительной цензуры! Когда писатель не уверен в том, что ему несет завтрашний день, разве можно при таких условиях ждать честного, открытого слова? Все смотрят на это так: все равно, буду что-нибудь писать, лишь бы прошло. Отсюда рождается цинизм, продажа своих убеждений за суп." ⁵

В словах Останкина мы слышим нашего автора, опять поднимающего свой голос о том, что нет свободы для творчества, что культура России, построенная и выхоробленная борцами ее свободы, как Пушкин, Грибоедов, Чернышевский, Достоевский, Гоголь, Толстой и многие

другие великие мыслители, жертвовали личной жизнью и свободой для сохранения творческой свободы, была теперь в оковах и ей грозила смерть. Во всех своих произведениях Романов, через уста своих героев, высказывает тревогу за уничтожение свободы мысли и обезличивания интеллигентного человека.

"Прежде писатели боролись за свои убеждения, чтили их, как святыню... А каковы теперь убеждения писателей?"⁶

Спрашивает Леонид Останкин. В нынешних условиях, говорит он, писатель готов продать свою идею за тарелку супа. И это все из-за страха смерти, которой люди были так напуганы. "Ведь мы друг друга боимся."⁷, говорит Останкин.

Замечание редактора о том, что в статьях Останкина "нет лица" привело его к самопсихоанализу. При этом он выяснил, что он верил в цель других, но сам к этой цели не стремился. Он всегда хотел только уловить, что "им" было нужно и быть им только помощником в достижении их цели. Одним словом, он приспособливается к создавшимся условиям. И в своем приспособленчестве потерял в массе свою личность "как целую единицу."⁸ Но будучи добросовестным и застенчивым человеком, Останкин не мог переносить своего "безделия", безидеиности, боязнь за свое существование и приспособленчества. Жизнь для него стала невыносимой. Он знал, что все это случилось "... от того, что он потерял данную ему природой вечную сущность. Теперь он, как жалкий поденщик, всецело зависит от других и дрожит: если они дадут ему работу, он будет жить. А если не дадут..."⁹ Он думал, что он попал не "на ту дорогу" и что жизнь является только "ничтожный мир вечности". Все, что ему теперь оставалось, думал он, это добровольно уйти

из жизни "... чтобы прекратить это недостойное человека лживое существование".¹⁰ Но уходя из жизни, Останкин написал письмо своим сотрудникам журнала, в котором он обвиняет их в том, что они живут во лжи, притворчестве, угодничестве

" Самая главная ваша ложь в том, - пишет Останкин, - что вы из близорукой трусости перед эпохой отреклись от своего подлинного лица, от своей сущности, из боязни, что она "не пойдет". И теперь вы безлицые, равнодушные поденщики, выполняющие за хлеб чужие заказы, не имеющих к вашей сущности никакого отношения."¹¹

Это было очень тяжелое обвинение для всех приспособленцев и, конечно, для коммунистической партии, которая поставила интеллигенцию в такое положение.

В журнале "На литературном посту" №.21, 1928 года, в отделе "Напостовский дневник", мы находим такую критику по поводу этого произведения Романова:

" П. Романов видит рядом с Останкиным и всех мастеров и калибров только зубра Гвоздева да пролетарского поэта Звездева, у которого 'такой вид, какой бывает у сына директора заведения, при известии, что много учеников, его товарищей, предполагается уволить; это среди них вызывает переполох, но на нем это никак не может отразиться.'

" ... напрасно П. Романов вместе с пролетпоэтом Звездевым предполагает, что проблема приспособленчества совсем не касается пролетарской литературы. К сожалению, это не так, и пролетарским писателям приходится в своих рядах искоренять ура - оптимизм некоторых шапкозакидателей. Об этом П. Романов может и не знать. Но как П. Романов не заметил рядом с приспособленцем Останкиным несколько десятков писателей-путчников, из которых каждый имеет свое лицо, свою особенную писательскую индивидуальность, которые, наконец, взятые вместе, в целом представляют собой совершенно особенную литературу, отличающуюся как от дореволюционной буржуазно-дворянско-российской, так и от современной буржуазно-европейской и американской литературы, которую, несмотря на значительные отличия, можно объединить вместе с пролетарской литературой под общим названием советской, так как и та и другая являются

ся производными от социалистической революции в России, но одна - в ее прямом и непосредственном преломлении, другая в косвенном и более усложненном. Поставить в центр внимания Останкина и незаметить ни Леонова, ни Вс. Иванова, ни Сейфуллину, ни Бабеля, ни Олешу, ни Сельвинского, ни Асеева, ни Маяковского, ни, наконец, самого себя! " 12

Автор вышеуказанной цитаты указывает, что трагедия писателей - попутчиков гораздо серьезнее трагедии приспособленцев, так как они не могут и не хотят понять процесса социалистической революции. Таким образом, разрешение проблемы беспартийности, говорили напостовцы, заключается не в самоубийстве, а в приближении к действительности в творческой работе, т.е. писатель-попутчик должен, наконец, поставить свои способности, свои идеи на услуги социалистическому строительству, иначе у них нет права на жизнь в этом обществе.

FOOTNOTES

¹Panteleymon Romanov, Rasskasy, Isdateljstvo "Gramatu Draugs", Riga, 1928, vol.XL, p. 53.

²Ibid., p. 63.

^{3&4}Ibid., p. 61.

⁵Ibid., p. 69.

⁶Op. cit., p. 69.

⁷Op. cit., p. 61.

⁸Ibid., p. 85.

⁹Ibid., p. 93.

¹⁰Ibid., p. 97.

¹¹Ibid., p. 99.

¹²U.L. "O P. Romanove" Na literaturnom posty, vol.3, No. 21, Moskva, 1928, p. 34.

" ТОВАРИЩ КИСЛЯКОВ "

или Три пары шелковых чулок

Несмотря на то, что "Русь" является наибольшим произведением Романова не только по объему, но и по времени, которое это произведение охватывает и по числу действующих лиц, все же Романов известен в литературе не как автор "Руси", а как автор произведений о быте и о моральных проблемах, а особенно взаимоотношений людей с новым правительством в первое десятилетие Советской власти.

Роман "Товарищ Кисляков" вышел из печати в 1930 году и своим содержанием наделал так много шума, что он немедленно был конфискован, а для его автора закрылись все двери к печати. Но вскоре этот роман попал заграницу и был напечатан в Праге под новым названием "Три пары шелковых чулок". Романов решил итти тем же путем, каким шли Замятин и Пильняк, то есть, если не удалось напечатать свое произведение в условиях Советской власти, то автор приходит к решению печатать его заграницей. По моему личному убеждению это название не совсем соответствует смыслу содержания этого произведения. В своем романе "Товарищ Кисляков" автор ставит проблему общественного поведения старой интеллигенции в ее отношении с новой властью.

Каков же сюжет этого романа? Главный герой Ипполит Кисляков, душевно и морально разложившийся человек, старается всеми средствами, даже за счет благополучия своих сотрудников

и друзей, приспособиться к новой Советской власти. Он страшно желает быть признанным коммунистами и получить звание "своего". Он ненавидит всех, кто стоит на пути к такому признанию. Он особенно ненавидит интеллигенцию за ее вежливость, мягкость, беспомощность и растерянность. Встретив однажды профессора в кабинете директора музея, который был так напуган, что не мог найти своей шляпы, Кисляков возненавидел его и, хотя он видел его шляпу под креслом, не подал ее профессору.

"... Он видел в профессоре все неприемлемые и чуждые с точки зрения коммуниста и пролетария оттенки (интеллигенции - А.Г.) с такой ясностью, как будто он сам был коммунистом и пролетарием." ¹

Сделав свой вывод о нежизнеспособности интеллигенции, Кисляков приходит к заключению, что для того, чтобы сохранить жизнеспособность в таких тяжелых условиях жизни нужно закалиться. Надо выработать в себе такую твердость, чтобы уметь переступать через гибнущих и не чувствовать себя виноватым. Нужно думать только о себе и забыть о нуждах других, или, говоря по другому, не проявлять любви к ближнему.

"Если хочешь жить для себя и чувствовать внутреннее равновесие, то нужно зажать уши и неоглядываться каждую минуту на этих гибнущих, потому что тогда будет не жизнь, а одно мучение и нравственная пытка." ²

От этой нравственной пытки старался освободиться не только Кисляков, но и само Советское правительство, которое без всякого морального угрызения совести переступило через трупы миллионов, павших жертвами пятилетки.

Каково же было прошлое этого человека? Свое обра-

зование инженера-путейца Кисляков получил еще до революции и был счастлив в своей работе. В свои студенческие годы он не имел никаких определенных политических взглядов. Он прымкал к группе, так называемых, сочувствующих студентов.

"... Он живо сочувствовал деятельности всех передовых партий,... Он представлял себе героев революции мучениками, которые идут на подвиг, рискуя жизнью.... И хотя это сочувствие было чисто платоническое, все же оно воспитывало в нем ненависть ко всякому насилию над человеческой жизнью,..."³

Таковы были наивные взгляды молодого студента Кислякова. Но с приходом революции он увидел также и другую сторону героев, которых он считал мучениками. Эти мученики превратились в мучителей. Они уже не умирали сами, а своим насилием умертвляли других.

" - Народ, пролетариат, который был так трогателен, пока его насиловали другие классы, совсем перестал быть трогательным и прекрасным, когда сам стал насиливать эти классы и заявлять о своем существовании самым непосредственным образом, т.е. начал ходить в косоворотках и сапогах во все учреждения и занимать места."⁴

Кисляков ужаснулся таким поворотом дела. Он не мог себе представить, что он, инженер-путеец, руководивший до этого армией людей на работе, должен теперь стать под контроль этой рабочей массы. А чтобы не быть под контролем массы, нужно было итти вместе с этой массой. Но итти вместе с этой рабочей массой, для Кислякова означало, что он должен будет выступать и говорить речи, в которых он должен будет призывать к насилию. Это было против его принципов. Хотя революция была уже закончена, но гражданская война была еще в полном разгаре. Но гражданская война так же нарушила "основные принципы интеллигентской идеологии": "Справед-

ливость для всех без различия классов'...." ⁵, которыми увлекался Кисляков в свои студенческие годы. С гражданской войной началась классовая борьба на жизнь и смерть. Эти события классовой борьбы глубоко оскорбили Кислякова и он решил покинуть свое любимое дело инженера-путейца и 'переждать' пока эта стихия насилия классов успокоится. Он скрыл свою настоящую профессию и, через своего знакомого, поступил на работу в исторический музей. Читатель знакомится с Кисляковым, как со служащим этого музея.

Что же было за учреждение этот музей и кто в нем занимался созидательным трудом? Для лучшего понятия этого вопроса нужно разобрать категории работ, на которые Романов разделял труд советских людей. Он говорит, что после революции работу можно было разделить на три категории:

Первой и самой низкой работой "для всякого мирного интеллигента" была та работа, "где нужно было активно проводить революцию",⁶ то есть убивать людей на фронтах, или же, путем обмана, вести массы на убийство.

Второй работой, уже более высшего качества, было механическое исполнение приказов партии и правительства в области строительства народного хозяйства. "Человек просто служит, потому что революция застала его на этом месте. Но он сам никого не насиливает, не отнимает имущества, не сажает в тюрьму, не призывает словом и примером к укреплению революции, - словом не старается. Наоборот, он даже помогает своим..."⁷

И третий разряд работы, стоящий на первом месте, это та работа, которая ничего не имела общего с революцией. Она ни

в какой степени не содействовала революции." Но несмотря на это, такая работа поддерживалась революционным правительством. Это была работа в "... учреждениях по охране памятников искусства и старины."⁸ Это ярко иллюстрирует автор:

" - Работающие здесь могли гордиться тем, что они ни в малейшей степени не поступились своей интеллигентской совестью, не омрачили теней прошлого, которое знало только мучеников за великий идеал всеобщего равенства высших начал справедливости с отрицанием всякого насилия с чьей бы стороны и ради каких бы целей оно ни исходило. Работая в этих учреждениях, они уже смело могли гордиться, что ни в малейшей степени не приложили своей руки ни к каким насилиям. И потому, естественно, смотрели с некоторым презрением на тех, кому приходилось принимать хотя бы и косвенное участие в насилии власти. Тогда как они ни-только не приложили к этому своих рук, но даже работали над сохранением того, что революция разрушала."⁹

К третьей категории и принадлежал музей, в котором работал Кисляков. Помещая Кислякова в музей старины, автор подчеркивает два факта в после-революционные годы. Первым это был тот факт, что пролетариат ничего не понимал в истории страны; а другим фактом является то, что пролетариат не только не интересовался стариной, но он ее даже ненавидел и старался уничтожить, как символ прошлого.

Оставив свою профессию и устроившись так неожиданно и благополучно с работой в музее, можно было бы предполагать, что Кисляков должен бы быть спокойным. Но, увы, он не находил своего спокойствия. Были две причины, которые недавали ему покоя: во первых его мучила совесть о том, что он скрыл свою специальность; а во вторых его дружба с Полухиным, новым директором музея, мозолила глаза другим. Кисляков предполагал, что его дружба с Полухиным рассматривалась его сотрудниками, как предательство по отношению к интеллигенции.

Все работники музея были из старой интеллигенции и все они, как и сам Кисляков, боялись диктатуры пролетариата. Они взяли эту работу не потому, что у них было желание работать, творить или помочь новому правительству в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства, а потому что ^{это} был единственный способ сохранения своей жизни. Ведь лозунг пролетариата был таков, что "Кто не работает, тот и не ест." Работая в музее, они получали зарплату, квартиру и, главное, продовольственную карточку. Пережив революцию, думали они, было бы очень глупо умирать с голода только потому, ^{что} чтобы отказаться работать для Советской власти.

Но они все же хорошо знали, что Советское правительство терпело их только потому, что пока еще нуждалось в их способностях и знаниях. Пока их еще терпели. Но то время, когда их служба будет излишней, было уже недалеко. Зная свое положение, служащие старой интеллигенции только притворялись, что они работали, а на самом деле они только отсиживали свое время в своих канцеляриях.

" - Как же можно гореть и творчески работать, - сказал Андрей Иванович шепотом, - когда все обращение власти только к рабочим, все для рабочих, а нас как будто нет. Мы что же, уже погребены? Нас только заставляют работать, без всякой надежды на будущее. Работать можно заставить, а творить нельзя. " 10

Здесь автор указывает на беспродуктивную работу, которая еще и до сих пор является типичным явлением среди советской интеллигенции и особенно среди писателей. Революция отняла у них все, чем они жили. Но она не дала им никакой надежды на будущее.

Не имея же будущего, они не могли творить, были не в состоянии проявлять никакой творческой идеи.

" - И вот вам результат ... все мы только делаем вид, что делаем.... что делаем, а на самом деле ничего не делаем, хотя заняты с утра до поздней ночи. Каждый рассуждает: 'Буду работать ровно настолько, чтобы не сесть в тюрьму.' Отсюда безразличие у подавляющей части интеллигенции ко всему." ¹¹

Таково было настроение старой интеллигенции в эти годы, которая осталась еще в живых. Все они что-то делали, занимались какой-то работой, а на самом деле они старались только отсрочить свой срок тюрьмы.

В то время, как большинство учреждений были уже очищены от буржуазных элементов старой интеллигенции и заняты пролетарскими специалистами, или, как автор с сарказмом говорит, что они "испытывали на себе 'вторжение улицы'" ¹², то этот музей стоял, как остров, "которого не захлестывали волны современности". ¹³ В нем царил еще прежний порядок работы казенного учреждения. В нем тишина и чистота были еще законом. Эти стороны работы в музее были уже аттакованы в советской литературе. Ярким примером таких атак может служить кино-сценарий Вл. Маяковского "Любовь Шкафалюба" написанная им в 1927 году. С центрального входа музея стоял еще швейцар и лестницы были еще устланы мягкими коврами. Дамы говорили по французски, а мужчины целовали им ручки. Одним словом, все было еще по старому.

Но вдруг и здесь служащие стали замечать, что пролетариат стал решительно наступать по всему фронту народного хозяйства. Тогда, как во время революции можно было еще уйти

с одного места на другое и переждать, пока успокоится стихия революции, то сейчас уже не было спасения. Те учреждения, которые до сих пор оставались не затронутыми, подверглись жестокой критике в газетах. Появились так же и статьи говорящие, что люди "сидящие в Музее, ничего общего с революцией не имеют." ¹⁴ Была назначена ревизия Музея, которая выяснила, что это был не революционный музей, а собрание старых вещей и людей. Старый директор был уволен и назначен новый из рабочих, закончивший рабфак. Вместе с директором, в музее появилась ячейка комсомольцев, которая следила не только за работниками музея, но и за самим директором. Была даже организована "Легкая Кавалерия" из комсомольцев в эти годы, которая налетала на производства и учреждения во время обеденного перерыва и устраивала проверку по отношению выполнения плана и использования рабочего времени. Здесь Романов намекает на то, как тщательно была организована партийная система контроля друг за другом. В музее появился Рабочий Комитет и начали часто созываться собрания служащих. Кисляков предчувствуя надвигающиеся черные тучи чистки, подружился с директором музея, который втянул его в свои планы переоборудования музея.

Но, подружившись так близко с директором музея, Кисляков не находил себе покоя. На собраниях, которые проводила комсомольская ячейка, Кисляков чувствовал себя очень неловко. Он предполагал и, его предположения были справедливы, что старые служащие музея думали о нем, как о переносчике. Из-за этого он чувствовал себя виноватым перед ними. Это дало ему повод изменить свое мнение о старой интеллигенции. Он начинал презирать ее, как класс,

который был органически неспособным на новую жизнь, на приспособленчество, как это сделал он, Кисляков. Он был в состоянии потерять все принципы, которыми еще жили эти старые интеллигенты. Он осуждал их за их настойчивость служить и умереть своему закону интеллигенции "- ... не сближаться с начальством и властью, чтобы не изменить себе и не быть причастным к насилию".¹⁵ Кисляков оправдывал свою измену интеллигенции тем, что дело и культура, которой он когда-то служил, которая " - ... во главу угла ставила свободу мысли и расширение прав личности, - ..." ¹⁶ давно умерла и была погреблена на веки. Какова же была надобность служить мертвому делу? А что касается чести интеллигенции, то он, Кисляков, давно уже перестал жить честно. О таком приспособлении интеллигенции указывает советский писатель Яшин в своем коротком рассказе "Рычаги". В нем Яшин описывает колхозников, которые за глаза осуждали председателя Колхоза, но прийдя на собрание они со всем соглашались, что он им предлагал.

Как уже было указано выше, что Кисляков не имел своих твердых убеждений и всегда шел по линии наименьшего сопротивления. Его личное настроение всегда зависело от мнения других. В результате такой нерешительности, он старался приспосабливаться к этим мнениям. "... У него была способность возбужденно выбалтывать всю душу тому, кто в данную минуту казался ему хорошим человеком..."¹⁷ против того, кто был для него в данный момент нехорошим человеком. Кисляков хорошо понимал, что наиболее плохой чертой харак-

тера человека является его раздвоенность, нерешительность в выборе его жизненной дороги. Он так же хорошо понимал, что такое явление раздвоенности может быть очень пагубным для него. Но введение пятилетнего плана опять мешало ему утвердиться в своих симпатиях. Вопросы несправедливости особенно остро встали теперь, когда классовая борьба стала разгораться все сильнее и сильнее.

" - Коммунисты притесняют кулака, - размышлял Кисляков. - Ведь это же нелепость - теснить человека за то, что он работает для себя, и хорошо работает. Да, наверное, это просто хорошие, старательные крестьяне, а никакие кулаки. Дайте же мне возможность распоряжаться своей личностью. Не делайте из меня раба." ¹⁸

Но когда он узнавал из газет, как кулаки сожгли коммуниста в запертой избе, Кислякова охватывал ужас и возмущение против кулаков, которые "... с звериным упорством отстаивают свою звериную жизнь, лишенную всякого света, культуры, всякого движения вперед." ¹⁹ Так критически высказывался Романов устами Кислякова по поводу классовой борьбы в деревне и коллективизации крестьянства. Имея тесную связь с деревней, и показав раньше в своем творчестве, что он знал ее, Романов страдал из-за того, что одни рабовладельцы ушли, а на их место пришли другие, еще более жестокие. Когда в "Руси" крестьянин имел хотя одну десятину земли, то новая власть отобрала всю землю, даже не оставляя для курицы. Ее отбирали потому, что человек работал хорошо для себя. "Не делайте из меня раба", кричит Романов, устами Кислякова, дайте же наконец человеку свободу распоряжаться самим собой и своей собственностью.

Такая классовая, безсмысленная борьба выводила Кислякова, как его интерпретирует Романов, из душевного равновесия. Он хотел найти внутреннее равновесие, поэтому он старался переубедить себя в том, что его совесть есть его высший судья, все же он сомневался в том, что он делал.

"... И со стороны было видно его всегда напряженное, беспокойное лицо человека, который оробел, потерялся до последней степени, несмотря на постоянные усилия создать в себе внутреннюю точку опоры..." 20

Несмотря на все старания, Кисляков раздавался. Он отказался от старой интеллигенции, а коммунисты еще не приняли его. В разговоре с Полухиным, Кисляков признается, что он отошел, сделался чуждым для своих сотрудников, но он так-же намекает на то, что Полухин пока ему не товарищ, хотя он и чувствует себя с ним лучше, чем "с другими".

Живя в обстановке двуличия, Кисляков лишается всех своих лучших внутренних качеств, попадая все больше и больше в сети лжи и морального падения. Ярким примером этому является его любовная история с молодой женой его друга студенческих лет. Получив письмо от этого друга, Аркадия Незнамова, Кисляков не восхищался идеей встречи с человеком, которого он не видел с дней окончания университета, а он горел желанием познакомиться с его молодой женой. Все его живое существо было занято мыслью об этой женщине. Его интересовал вопрос, как она его примет и как оценит. В день их встречи он особенно тщательно занялся своим туалетом. Ему очень хотелось произвести на нее впечатление состоятельного служащего. Это он сделал приглашением их обоих на ужин в ресторан, из-

расходовав на этот ужин все деньги, которые жена его оставила ему для жизни на целый месяц. После этого ужина Кисляков не остановился ни перед чем и ни перед кем, чтобы начать сожительство с женой своего друга, Тамарой. В его дальнейших отношениях с Тамарой ^{его} беспокоило только то, что у Тамары может появиться ребенок, который может иметь сходство с ним, Кисляковым. Убедившись от Аркадия, что Тамара не может иметь детей, Кисляков продолжал свою подлость до тех пор, пока Тамара не обменяла его на кинорежиссера Миллера, который имел больше денег и больше связей, чем Кисляков. Потеряв всю моральную опору, Кисляков растоптал грязными сапогами искреннюю дружбу человека, который так доверялся ему. Он пил, ел у своего друга, притворялся быть только платоническим другом его жены, вел с ним разговор о религии, о правде, о правах человека, об идеалах и идеях, а потом спал с его женой. Моральное падение Кислякова было так низко, что он даже не замечал и не чувствовал, что все, что он делал, была самая низкая подлость, на которую был способен интеллигентный человек.

Теперь он всегда приходил домой раздраженный и отмалчивался на все вопросы жены. Он был грубым и несправедливым к ней, хотя он совершенно не имел основания. Связавшись с Тамарой, он сердился, что он имел жену и что ему все время нужно было думать о ней и найти причины для развода. Но когда у него появлялась жалость к ней, то ему хотелось признаться ей в том, что его душа гибла и он сам не в состоянии был спасти ее. Ему хотелось крикнуть ей "спаси меня, я гибну". И опять у него не хватало мужества на это. Он знал, что его гибель началась с того момента, когда

он отказался от своей профессии и превратил свою жизнь в "фальшивку". С этого момента, думал он, он потерял все чувства к высшим человеческим ценностям. "... Я потерял всякую чувствительность к тому, что не покупается никакими деньгами: к верной бескорыстной любви близкого человека..." 21 Таковы были причины моральной и духовной гибели Кислякова. И, когда, наконец, домоуправляющий его новой квартиры представил Кислякова жителям дома как "товарища", то у Кислякова почувствовался прилив счастья. Наконец-то его называли товарищем, а никак иначе. "Теперь он чувствовал, что эти люди признают его действительно своим товарищем, и хотелось всеми силами оправдать ~~его~~ их доверие и расположение к нему". 22 Он стал заниматься общественной работой, чтобы доказать им, что у него нет тайны про себя, что его душа была как на ладоне. Кисляков хорошо усвоил методы приспособления.

Тогда, как Кисляков погибал из-за своей моральной неустойчивости, то его друг, Аркадий Незнамов, потерпел трагедию доверия в своей жизни потому, что он был уж слишком большим идеалистом. Происходя из совершенно другого социального класса, чем Кисляков, у него были совершенно другие взгляды на социальные проблемы. Тогда, как Кисляков выдвигал личность и ее права на первое место, то для Аркадия были правда и справедливость высшими качествами человека. Ему казалось, что без правды и справедливости мир существовать не может. Интеллигенция, которая была до революции инициатором в борьбе за эти качества, превратилась в пассивного труженика, работающего из-за куска хлеба, без всякой

инициативы, без всякой идеи. Не имея своей идеи, она не имела веры, а без веры не было будущего. "... русская интеллигенция, как мы ее понимаем, - говорит Аркадий, - началась при Белинском и кончилась при Ленине." ²³ А та интеллигенция, которая была и работала сейчас для Советской власти, не имела никакой моральной опоры. Такую безнравственность Аркадий называет моральным вырождением.

"... Это - моральное вырождение.... Бог ушел из нашей жизни, и осталось только одно борющееся за свое существование животное." ²⁴

Хотя Аркадий и знал, что оставшаяся интеллигенция морально разложилась, все же у него была надежда на то, что он найдет у Кислякова того друга, которых было так мало в настоящее время. Представляя Кислякова своей жене, как друга, Аркадий говорит "... что самое редкое теперь, при оскуднении высших отношений между людьми, это - друг, т.е. человек, который тебя не предаст ни при каких условиях жизни...." ²⁵ Аркадий, конечно, не знал, что Кисляков только вчера отказался от своего друга Полухина только потому, что его сняли с должности директора музея. В разговорах с Кисляковым он указывал на то, что люди потеряли веру в себя, как отдельную единицу, а жили массой, не имея в себе никакого внутреннего мира. А те, кто еще мог сохранить себя, как единицу, должны объединиться "... чтобы пронести нашу правду, общечеловеческую истину сквозь эту эпоху и спасти её от гибели..." ²⁶ Аркадий твердо верил в то, что в человеке нельзя убить истины, так как истина есть душа человека. И, рано или поздно, человек возвратится к ней, почувствовав тоску от ничтожества внешних дел

при животном существовании. Он верил в то, что двигателем жизни была любовь, а не борьба. Аркадий говорил, что ужас существования был в том, что пролетариат утверждал, что только их идеи имеют право на существование и что будущее принадлежит только им. Слушая эти высказывания друга, Кисляков думал, что от него веяло "мертвой интеллигенцией", которая вместо подвига вперед шагнула далеко назад.

Фанатический идеализм Аркадия так же вел его к гибели, как и моральная безнравственность Кислякова. Аркадий слепо доверял своей жене, предполагая, что она его любит, и что она не нарушит великих традиций русской женщины прошлого - быть верной. "... Велика была подвижническая слава русской женщины и может случится так, что моя малютка увидит высшую цель в несении этого креста: жить со старым мужем, у которого переломлен духовный позвоночник, и своей теплотой дать ему замену утраченного...." ²⁷ Узнав об измене своей жены с друзьями дома и ее бессовестной лжи, он ужаснулся и осталбенел. Он сам никогда ложью не занимался. "... Я как-то не знал практики лжи. - говорит он Кислякову в своем отчаянии, - я сам ложью никогда не пользовался." ²⁸ И только теперь у него возникли сомнения о том, что может быть нет правды на свете, что "она давным давно сгнила".

В высказываниях Аркадия звучит безнадежность, безвыходное положение старой интеллигенции, обреченной на гибель диктатурой пролетариата. "... Будущее принадлежит другой расе..., - говорит Аркадий с неизмеримой тоской, - Ведь рабочий - это другая раса, - раса ничего общего с нами не имею-

щая... " 29

В Аркадие Романов показывает трагедию человека - идеалиста, одинокого в глубине своего сердца, гибнущего потому, что он не мог воспринять суровой действительности. Этим самым Романов, как и многие другие авторы того времени, делает вывод, что в обществе диктатуры пролетариата нет места для одиночества и независимости.

Как же представляет Романов женщину в период оформления новой Советской власти? Поколение русской женщины, родившееся в начале 20-го столетия и прожившую свою юность вместе с революцией, раздвоилось между старыми традициями патриархальной семьи и так неожиданно данной ей личной свободы. Они остались "морально-голыми", говорит автор устами своего героя. Ушедши от старого и не догнав нового, они остались посредине дороги, не зная как себя вести и как пользоваться данной им свободой. Быть женой и домохозяйкой, рожать детей и воспитывать семью, считалось, для некоторых женщин, самым унизительным при новых условиях свободы. Я говорю, для некоторых женщин потому, что их было незначительное меньшинство даже в тот период Советской власти. Представительницей такого меньшинства и была Тамара. В ней Романов совокупляет все отрицательные стороны этого меньшинства. Такие женщины, получив свободу, старались всеми силами и средствами завоевать свое положение на одном уровне с мужчиной. Это был отчасти ее протест против ее столетнего порабощения и бесправия перед мужчиной. Быть только женой Аркадия, Тамара считала ужасным событием в ее жизни. Ей хотелось делать то дело,

которым она могла бы "проявить себя".

" - Какая абсолютная пустота, - говорит Тамара. - ... внутри во мне ничего нет, и это ощущение мучительно. Хочется хоть чем-нибудь его заглушить. " 30

И она заглушила эту тоску тем, что без разбора отдавалась мужчинам, которые видели в ней только женщину, а не живого человека, ищущего своего положения в их обществе. "- Поговори со мной хоть раз так, как говорил с Аркадием,..." 31, умоляла она Кислякова, который так же видел в ней только женщину для удовлетворения своих эротических страстей.

Материальные недостатки в стране воспитали в ней зависть к красоте жизни, которую она видела в шелковых чулках и богатых ресторанах. Ей хотелось парижской жизни, о которой она имела понятие только из пьес, выставляемых на сцене. Этой парижской жизнью она увлекалась, как увлекается ребенок сказочной жизнью. Такие спектакли как бы подливали масла в горящий огонь ее не здорового воображения. Она вздыхала и произносила с тоской:

" - Боже, ну как хочется хоть куда-нибудь устроиться...
- Так надоела эта серая беспросветность.
" - ... меня (так - А.Г.) угнетает несамостоятельная жизнь, когда приходится за каждый рублем обращаться к мужу. " 32

Ее тяготило то сознание, что она материально зависела от своего мужа.

В своей детской наивности и большом упорстве, она отдается кинорежиссеру Миллеру, который обещает сделать несколько снимков, так как его "интересовало" ее лицо. В этом предположении ее искаженное воображение уже видело себя знаменитой артисткой в фильмах на родине и заграницей. Но Миллер, использу-

зовав ее для своих личных утешений, услал ее домой, дав ей три пары шелковых чулок за ее "услуги". Но, при всем ее падении, Тамара почувствовала себя униженной и оскорбленной, избрав смерть, как наказание и за себя и за мужчин. Давая такой трагический конец Тамаре, Романов показывает, что чувство чести в русской женщине сильнее ее морального падения.

С окончанием НЭПа и введением пятилетнего плана в стране началась коллективизация крестьянства и большевизация интеллигенции. В разговоре с Кисляковым, директором музея Полухин говорит, что, когда он увидел карту пятилетки, то у него "сердце зашлось" от радости увидев такую перестройку страны.

" Надо вот только из под власти мужика выбраться, сквозь барабан его пропустить, в ступе истолочь, чтобы собственническую кулацкую закваску из него выбить.... Мы их всех в такие клещи зажмем, что они в два счета подохнут.... А там мы свои "зерновые фабрики" разведем...." 33

Истории хорошо известно, сколько миллионов советских людей умерло с искусственным организованием голода в годы первой пятилетки. А что касается "зерновых фабрик", то и до сих пор они не работают надлежащим образом. Романов высказывался об этих фантомах прямым, понятным языком, без метафорического или других форм оборота литературного языка.

О большевизации интеллигенции Романов говорит устами своего героя Кислякова, что

" ... Процветает казенное творчество, а личность с ее инициативой загнана в щель. Стараются только о том, чтобы как можно больше настроить всего. Но, воздвигая каменные строения, совершенно уничтожают человеческую личность и душу." 34

Романов рассматривал политику партии совершенно неверной, а самих коммунистов упорными фанатиками. Все принципы человеческой жизни они заменили принципом силы, которая убивает всякую свободную мысль в стране. Интеллигенция перестала сопротивляться, как и сам автор. Они отказались от собственной идеи, которая всегда являлась святыней всякого мыслящего человека. Им переломали хребет, как в этом сознается автор. "Да, хребет переломан. Он грозит переломиться у целой половины человечества."³⁵ Так называемая "Классовая линия" партии уничтожила во многих людях сочувствие, человеческую справедливость и жалость. Романов делает вывод, что человек, в сущности, есть доброе существо, но какая либо политическая линия делает его безжалостным животным, убивающим другого человека только из-за принципа. Вот Полухин, в сущности, есть добрый человек, но вот "... к этим гибнущим жертвам классовой политики у него нет никакой человеческой жалости, подойти к ним по человечески."³⁶

Из всего вышеуказанного становится ясно, почему этот роман был так быстро конфискован и навсегда исчез с полок библиотек и книжных магазинов. Хотя для Романова и закрылись все двери печати, все же для него самого не грозила опасность, как для многих других писателей-попутчиков этого времени. За последние восемь лет своей жизни, Романов старался приспособиться к требованиям партии в литературной работе. Но это ему совсем не удалось. Он не мог писать по заданию партии. Он не сумел приспособиться, как это сделал его герой Кисляков.

FOOTNOTES

¹Romanov, Panteleymon, Tovarishch Kisliakov ili Three pairs of silk stockings, Isdatel'stvo Imeni Chekhova, New York, 1952. p. 209.

²Ibid., p. 23⁴.

³Ibid., pp. 111-112

⁴Op. cit., p. 112.

⁵Ibid., p. 113.

⁶Ibid., p. 75.

⁷Op. cit., p. 75.

⁸Ibid., p. 76.

⁹Op.cit., p. 76.

¹⁰Ibid., p. 68.

¹¹Op. cit., p. 68.

¹²Ibid., p. 77.

¹³Ibid., p. 78.

¹⁴Op. cit., p. 78.

¹⁵Ibid., p. 205.

¹⁶Op. cit., p. 205.

¹⁷ Ibid., pp. 116-117.

¹⁸ Ibid., p. 222.

¹⁹ Ibid., p. 223.

²⁰ Ibid., p. 89.

²¹ Ibid., p. 300.

²² Ibid., p. 332.

²³ Ibid., p. 126.

²⁴ Ibid., p. 127.

²⁵ Ibid., p. 142.

²⁶ Ibid., p. 241.

²⁷ Ibid., pp. 274-275.

²⁸ Ibid., p. 361.

²⁹ Ibid., p. 360.

³⁰ Ibid., p. 181.

³¹ Ibid., p. 182.

³² Ibid., p. 283.

³³ Ibid., p. 166.

³⁴Ibid., p. 128.

³⁵Ibid., p. 129.

³⁶Op. cit., p. 223.

" РОССИЯ И С.С.С.Р. "

В мае, 1930 года, Главлитиздат и редакции газет "Правда" и "Известия" взяли на поруки писателей-попутчиков с целью их реабилитации. Для этого они устроили для писателей экскурсию в индустриальные районы Советского Союза. В эту группу входили Леонов, Пильняк, Иванов, Зозуля, Романов, Катаев и другие. Романов был послан в Нижний Новгород на строительство автомобильного завода имени Молотова. Результатом его поездки были его три очерка: "Место рождения Советского автомобильного завода", "Автомобильный завод имени Молотова" и "Социалистический город". Эти три очерка появились в советской прессе в 1936 году. Отсюда видно, как долго Романов обдумывал вопрос своего положения, как писателя, как он долго не решался стать инструментом пропаганды партии. Но требования физического существования заставили его напечатать эти очерки.

Свой первый очерк Романов начинает тем объяснением, что писать о том, что он видел во время своей поездки в Нижний Новгород, значит повторять все то, что уже было сказано в сотнях других рассказов о советском строительстве. Писать об этом, значит повторять уже сказанное о темпе строительства, о расширении планов конструкции, об энтузиазме рабочих. В этом нет оригинальности, говорит Романов. Такие слова не вызывали больше интереса в читателе.

" Писать только в таком духе, чтобы укрепить свое личное положение, без всякого интереса к художественной правде - я этого делать не в состоянии. " 1

говорит Романов. Он был уверен в том, что писатель должен писать с такой силой, чтобы читатель мог видеть перед собой реальность, а не подделку к ней. Для этого писатель сам должен верить в то,

что он пишет. Его художественная работа должна быть убедительной даже для тех, кто не хочет верить в его идею. Этого можно достичь только тогда, когда писатель имеет возможность создавать неожиданные моменты. Но

" Для каждого художника, который критически относится к своей работе, наша эпоха представляет затруднения для такой работы.... В настоящее время одна тема приодоминирует и заполняет жизнь - это тема реконструкции нового мира. Но трактовать такую тему в таком свете, чтобы читатель не встречался с банальными выражениями и знакомыми ему образами, со словами, на которые он перестал реагировать, как на новость - это очень трудное задание для его искусства, которое предназначено служить не только для настоящего момента, но также для будущих поколений." ²

Так рассматривал Романов художественную работу писателя.

Он говорит, что читатель убеждается в правде читаемого только тогда, когда он чувствует в писателе ту единственную цель, которая объединяет его творческую силу.

После экскурсии на автомобильный завод имени Молотова в Нижнем Новгороде, Романов писал, что его удивило перерождение русского народа из пассивного, ленивого, безразличного, в активного труженика. Он пишет, что он невольно заметил, как рождалась новая раса русского народа. Он удивлялся тому, как, под давлением партии, изменялся характер русского народа, как старая Россия перерождалась в новый Советский Союз. Это перерождение происходило не в течении столетий, как это утверждают мировые психологи, а в течении одной декады.

" Будучи в Нижнем Новгороде я почувствовал это в первый раз со всей силой реальности." ³

Приезжая в Нижний Новгород, Романов увидел, как изменялось лицо

русской земли. Там, где раньше были монастыри, помещичьи усадьбы, где по Волге когда-то плыли бурлаки с заунывными песнями, выростали новые заводы, новые постройки, проходили новые судна, росли новые колхозы, конечно под брутальным давлением партии. Романов ясно увидел, что эксплоатация народа отдельными личностями заменилась эксплоатацией партии и государства. Но разница состояла в том, что старая Россия представляла собой социальный и экономический застой, тогда как Советский Союз двигался вперед, хотя дорога этого движения была устлана его жертвами. Но разве Петр 1 не делал того же самого, стараясь пробудить Россию из ее летаргического сна? Перестройка хозяйства и переделка национального характера была трудной задачей для частных предприятий в условиях России. Для этого понадобились диктаторы силы Петра Первого и Сталина.

FOOTNOTES

¹Romanov, Panteleymon, "On the Volga", Rasskasy, Scribner, New York, 1934, p. 245.

²Ibid., pp. 246-247.

³Ibid., p. 248.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже известно из автобиографии, Романов решил стать писателем еще в детстве. Писательская профессия досталась ему с большим трудом. Поэтому, как он сам говорит об этом, он никогда не занимался журнализмом, так как это была не его линия письма. Что он хотел больше всего, это правдиво описать Россию - ее природу и ее людей. Его всегда занимал вопрос, почему, в такой богатой и прекрасной стране, было так много косности, невежества, лени и безразличия ко всему окружающему. Десять лет присматривается Романов к людям, изучая их черты и психологою, стараясь найти и установить в них национальный характер русского народа. Все, что он замечал, он тщательно записывал. Результатом этих записей явилась его эпопея "Русь".

В достижении своей цели, Романов не интересовался темой или фабулой, которая могла бы дать ему скорый успех извлечение писателя. Наоборот, Романов писал медленно и обдуманно, как бы копаясь в хаосе жизни. Отсюда и вывод, что Романов не писатель-аналитик, а как бы статист, записывающий факты жизни. У него очень мало философических характеров.

Революция 1917 года, как бы раскрыла перед ним источник того материала, который он искал так долго и усердно. Взбудораженный революцией народ дал свободу действия своим чувствам, которые подавлялись внутренними и внешними силами на протяжении веков. Романов начинает писать короткие рассказы о поведении людей друг с другом, об их отношении к новой советской власти, об их пони-

мании "свободы", данной им революцией. Романов охватывает все стороны жизни (быт, любовь, мораль) и все слои населения. В одних рассказах он показывает всю нелепость человеческого поведения, заставляя таким образом, читателя смеяться над этой нелепостью, тогда как в других он описывает безвыходное положение людей в их отношениях с новой властью, вызывая сочувствие и негодование читателя. Рассказы Романова написаны в простой и сильной форме с глубоким проникновением в быт и судьбу людей.

С 1925 года, Романов становится постоянным сотрудником многих советских журналов. Его рассказы привлекают читательскую массу. Его короткие, лаконические фразы, в которых чувствуется влияние новой эпохи и выражение экспрессионизма, делают его любимым писателем массы. Читая романовские рассказы, люди в их героях узнавали или самих себя или своих соседей и смеялись над этими открытиями. Даже чуждые Романову по духу литературные критики не могли не признать его живой комизм и острую наблюдательность.

Его независимость в слове и выбор тем его произведений привлекли на себя острую критику тех, кто был за уничтожение всякой самостоятельной идеи в творчестве. Эти люди обвиняли его в подражательстве классикам, в равнодушии к прогрессу человечества, в искажении фактов действительности.

Но, несмотря на острую критику, на давление сверху, Романов оставался верным своей цели - писать действительные факты в жизни, как он их видел и понимал. Он является одним из наилучших советских писателей умеющих описывать русскую природу со всей ее красотой и ее особенностями.

Хорошо зная русский язык Романов смело вставляет в свои рассказы народные выражения, сочетая, таким образом, образ родного языка, как символ и как иронию.

Наряду с юмористическими рассказами Зощенко, рассказы Романова занимают выдающееся место и даже превышают поэзейшие рассказы Ильфа и Петрова. Комические моменты рассказов Романова являются продолжением от начала до конца и у них трудно найти кульминации, как это мы находим у Зощенко или у О'Генри. Рассказы Романова являются продолжением лучших традиций русской литературы, идущих от Ивана Федоровича Горбунова "Сцены из народного быта" до Антона Павловича Чехова.

Несмотря на давление на Романова официальных кругов партии и правительства, которые хотели заставить его бросить темы прошлого, прейти в контакт с советской действительностью и отдать свой талант на службу социализма, Романов не мог изменить традициям свободного искусства и стать инструментом пропаганды партии. "Романов не трусил" пишет Петр Пильский в своем предисловии к сборнику рассказов "Вопросы пола".

" Он не боится знакомого, не страшится старого, не смущается своими совпадениями в подмечаниях и обрисовках. Поэтому он не тщится изобретать, не топорщится, не куралесит.... Эта же внутренняя свобода, эта смелость, эта независимость и спасла его от распространенного греха современной литературы Советской России: он не трачен лестью и не виноват в угодничестве. " 1

Это является великой заслугой Романова перед литературой, как искусством.

Романов писал так же много о проблемах морального порядка, как старой, так и новой интеллигенции. Вопросы любви и

взаимоотношение полов в переходный период серьезно тревожили Романова. В его произведениях они занимают особое место и поэтому составляют отдельный цикл его тем. "Письма женщины", "Вопросы пола", "Без черемухи", "Первая любовь", "Большая семья", "Тайна" и другие, всецело заняты тайной женщины, ее страстью и противоречиями ее поступков и влечений. Эти проблемы стали особенно острыми после Октябрьской Революции, когда религия была снята с повестки дня, объявлена свободная любовь, а семью заменило государство. Эти его произведения читались модными и старыми, партийными и беспартийными. Они остро обсуждались на собраниях молодежи.

Но проблемы морального порядка, которые Романовставил для русского общества в 20-е годы, являются та же актуальными в настоящее время. Моральные проблемы среди молодежи достигли таких пропорций, что их разрешением занимаются все общественные организации, радио-коммуникация, печать, школа, церковь и даже парламент. Таким образом сопоставляя факты описанные Романовым с фактами настоящей действительности, можно сказать, что Романов действительно имел основание поднимать проблему такого общечеловеческого характера.

FOOTNOTES

Romanov, Panteleymon, Rasskasy, "Voprosy pola",
Isdatel'stvo "Literatura", Riga, 1927.

BIBLIOGRAPHY

Brown, Edward J. The Proletarian Episode in Russian Literature, Columbia University Press, New York, 1953.

Kovaljova, V.A. and Pavlovskiy, A.I. Voprosy Sovetskoy Literatury, Isdatel'stvo Academii Nauk, U.S.S.R., Moskva, 1958, vol. VIII.

Leedin, V.L. Pisateli, Autobiographies and portrets, Knigoisdate'l'stvo "Sovremennye problemy", Moskva, 1928.

Romanov, Panteleymon, Rus', part I, Isdatel'stvo "Nedra", Moskva, 1928, fourth printing.

Romanov, Panteleymon, Voprosy pola, Rasskasy, Knigoisdate'l'stvo, "Literature", Riga, 1927.

Romanov, Panteleymon, Goluboe plat'e, Rasskasy, Isdatel'stvo "Knizhnaja lavka pisateley", Riga, 1930.

Romanov, Panteleymon, On the Volga, Rasskasy, Scribner, New York, 1934.

Romanov, Panteleymon, Without cherry blossom, Rasskasy, Ernest Benn, London, 1930.

Romanov, Panteleymon, "Novaja Scrizhal' or New Kommandment, Novel", Isdatel'stvo "Literature", Riga, 1928.

Romanov, Panteleymon, Tovarishch Kisliakov or Three pairs of silk stockings, Novel, Publishing House "Chechov", New York, 1952.

Simmons, Ernest J. Through the Glass of Soviet Literature, Columbia, New York, 1953.

Voronskaja, G.A. and Dementiev, A.G. A.Voronskiy. Literaturno-kriticheskie statiy, Sovietskiy Pisatel', Moskva, 1963.

Zavalishin, V., Early Soviet Writers, "Panteleymon Romanov," Publishing House F.A.Preader, New York, 1957.

History of Russian Literature, vol. I, part I, Moskow, University Press, Moskow, 1958,

Grusdev, I. "Upriamaya kobyla", Zvezda, No.6, Moskva, 1926.

U.L. "O P.Romanove", Na Literaturnom Posty, No.1, Moskva, 1928.

"O politike Partii v Oblasty Khudozhestvennoy Literatury", Pravda July 18, 1925.

"O nashey linii v khudozhestvennoy literature i o proletarskikh pisateliach", Pravda February 11, 1925.